

Петр Владимирович Катериничев

Редкая птица

Серия «Дрон», книга 1

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134326

Редкая птица: Центрполиграф; М.; 2003

ISBN 5-9524-0582-7

Аннотация

Олег Дронов, бывший аналитик службы разведки, оказывается втянутым в разборку мафиозных группировок: одной – традиционной, другой – специализирующейся на сексуальных преступлениях. Он понимает, что за видимой схваткой стоит третья, более могущественная сила. Клань бизнесменов, политиков и криминальные структуры ведут борьбу за власть и влияние в стране. Миллионы долларов, тысячи людских жизней, будущее России – вот ставка в жестокой игре.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Петр Владимирович Катериничев Редкая птица Дрон – 1

Все события, составляющие сюжет дилогии, являются вымышленными. Совпадение имен, названий, наименований, времени и места действия считать случайным.

Глава 1

Пляж – как раскаленный противень, а я – коржик на нем. Хотя пляжем этот лоскут песка является лишь для меня одного – рядом шоссе, оттуда несет гарью автомобильных выхлопов и перегретого асфальта. Приличные люди отдыхают в девятнадцати кэмэ отсюда – в тени навесов, на мельчайшем намытом земснарядом белом песочке или на травке, подстриженной по последней моде, коротко – как затылок звезды американского баскетбола.

В тридцати кэмэ есть и затененные дорожки для любителей пробежек, и подогретые либо охлажденные бассейны с морской водой – на любителя, и коттеджи с саунами, би-

льярдными и просмотровыми залами, алкогольно-безалкогольными напитками всех расцветок и обслугой – девочками любой масти и оттенка кожи... В народе эту бодягу издавна именуют уважительно – Территория. С заглавной буквы.

Контингент отдыхает теперь разный – от бывших в употреблении партократов и дармокрагов (или дерьмокрагов – греческое слово «демократия» слабо привилось среди отечественного демоса, равно как и среди «кратоса») до новых коммерсантов средней руки, полумафиозных торговцев, тех, кто в законе, и тех, кто при законе, национал-радикалов, масонов, борцов с коррупцией, профессиональных компрადоров, ура-патриотов, полководцев без армий... Ковчег: каждой твари по паре. Хотя всех объединяет одно: люди они состоятельные.

С похмелья всегда так – думается о грустном. Для своих «слегка за тридцать» я худощав, одинок и беден. Особенно с утра. Да еще фрустрация накатила минут семнадцать назад. То есть – потеря жизненных ориентиров и целей. Понятия не имею, чем займусь вечером, где взять денег, да и зачем они мне.

Солнце припекает все сильнее, и если я по-прежнему похож на коржик, то уж непременно с кремовой начинкой: мысли растеклись изнутри по черепной коробке и тают, тают... Остается одна: заставить себя подняться, пройти два десятка шагов и упасть в прохладу моря...

Неожиданная тень падает на спину, и состояние блажен-

ной ломоты улетучивается. У меня, как у Диогена, одно желание – чтобы тень убралась.

Открываю глаза и вижу два массивных ботинка. А выше – тушу их обладателя. В черном с блестящей костюме и при галстук парень уместен здесь, как катафалк на свадьбе.

– Привет, Дрон.

Дрон – это я. Олег Владимирович Дронов. Но все – то ли из-за собственной невоспитанности, то ли из-за моей юности – называют меня кратко. Потому неопределенно киваю – привет, дескать, старина... Хотя мы друг другу и не представлены. И снова укладываю лицо на руки.

– Тебя хочет видеть Ральф.

Вслед за этой фразой перед моим носом падает бумажка. Зеленая.

– Сто баксов, – цедит фигура, словно я сам стал путать Франклина с Вашингтоном.

Вытягиваю из пачки сигарету, закуриваю и рассматриваю банкнот с интересом первоклассника, научившегося вчера читать.

– Тебя хочет видеть Ральф! – Тон собеседника нетерпеливо наглый.

– А я хочу видеть блондинку в бикини. А лучше – без, а еще лучше... – Тирада остается незавершенной – лакированный остроносый ботинок превращает мои губы в вареную свеклу, – сплевываю кровь, песок и остатки сигареты. Обидно – это моя последняя сигарета.

– Он хочет видеть тебя сейчас. И подбери баксы. Хотя я бы на тебя и рваного не потратил.

Когда тебя приглашают столь изысканно, отказать трудно. Зато в голове прояснилось – и без всякого купания.

* * *

Просовываю ногу в джинсы – и падаю лицом в песок. Пинок у верзилы – словно удар бампером «членовоза» на средней скорости. Кровоподтек будет со слоновье ухо.

Поднимаюсь, слыша сзади какое-то бульканье, оборачиваюсь – оказывается, здоровяк так смеется. Широкое лицо лоснится потом, а в глазах столько же тепла, сколько в блестящих латунных пуговицах на его пиджаке.

Медленно бреду по песку босиком – кроссовки в одной руке, в другой – тенниска. Мой конвоир движется сзади. У дороги земля тверже – неловко ступаю, роняю тенниску, надо бы поднять... Верзила радостно делает шаг вперед, примеривая пинок, я резко наклоняюсь, касаясь руками земли, а пятка катапультной летит ему в пах. Звук средний – что-то между хрустом и чавканьем.

Резко разворачиваюсь. На лице верзилы – гримаса невыносимой боли, огромная туша медленно оседает в пыль. Но времени хватает, чтобы четырежды пробить по блиноподобной физиономии. Ощущение такое, словно нокаутируешь сковородку. Ну, а смотреть на то, во что превращается лицо

после такой обработки, можно лишь человеку с крепкими нервами.

Просто меня всегда возмущало хамство. И – наглость. Хамить, пусть и незнакомым людям, – все равно что писать на ветру: ветер – штука переменчивая.

Занятый философичными рассуждениями, я не забываю осмотреть содержимое карманов моего визави. Под пиджаком, как и следовало ожидать, новенькая желтая «сбруя», в кобуре под мышкой – укороченный оперативный кольт с прекрасно изготовленным глушителем – хлопок из такого не слышнее щелчка пальцами в пустой комнате. В боковом кармане нахожу отличный пружинный нож немецкой стали, который немедленно присваиваю, в портмоне – сто пятьдесят «штук» рублями, восемьдесят баксов и удостоверение сотрудника службы охраны горисполкома Приморска.

Последнее я изучаю наиболее тщательно, хотя подлинность той или иной бумаги в наше время отнюдь не гарантирует подлинность ее обладателя.

Тем не менее – «ксива» настоящая, и я возвращаю все вышеупомянутое в пиджак. В руках эти сокровища просто не унести, а в тенниске, с кольтем за поясом и чужим бумажником в кармане я буду выглядеть вызывающе. Поэтому решаю позаимствовать и пиджак. Как ни странно, в плечах он мне впору, ну а чтобы сделать его таковым и в талии, пришлось бы выпивать на дню литров по шесть пива, заедая сие великолепие голландской ветчиной.

В кармане брюк обнаруживаю ключи – один от машины, другой от неизвестного мне жилища – на цепочке с красивым брелком. Поднимаюсь на дорогу, – «жигуленок»

– «шестерка» припаркован у обочины в тени чахлой акации. Порывшись в бардачке, нахожу то, что искал, – бутылку водки. «Смирновская» – красиво жить не запретишь...

Верзила продолжает «отдыхать», чем-то напоминая перебравшего борца «сумо».

Я же хочу усилить впечатление. Обильно поливаю спиртным его лицо и сорочку, как заботливая няня, приподнимаю голову и, зажав ноздри, вливаю щедрую порцию в рот.

Парень поперхнулся, приоткрыл веки и стал глотать уже самостоятельно. Похоже, он начал приходить в себя, а это вовсе не входит в мои намерения. Отрываю от него бутылку, как мамаша соску от ребенка, отступаю на нужное расстояние и, когда верзила встает на ноги и делает выпад, дважды коротко бью его в подбородок – апперкотом и хуком справа. Теперь, по моему разумению, он отключился минимум минут на тридцать, – не люблю я все эти новомодные баллончики и газовые спринцовки – никогда нельзя ручаться за результат. А так – полежит на солнышке полчаса, потом еще с часок начнет соображать, как добраться до городка, – с такой физиономией да еще с таким амбре его вряд ли подберет попутка, а на такси денег теперь нет. А за вышеозначенное время – «сову эту мы разьясним», как говаривал бдительный Шариков.

Поворачиваю ключ, – двигатель урчит ровно, мягко. Хотя и чужая машина, а приятно. И фрустрацию, сиречь хандру, как майкой сдуло. Теперь я при деньгах, при авто, при «пушке» и «пере» – все стильное, прямо «с иголки». Не хватает только блондинки с золотистым загаром и в бикини, а лучше – без...

И еще, сильно мешает жить вопрос: кто и зачем снарядил за мной этого дсбильноватого мастадонта?

Впрочем, от него имеется нечто реальное и существенное – сто «зеленых» с непонятной репутацией и приглашение от Ральфа. В любом случае я знаю, чем займусь сегодня вечером.

Отклонять приглашение Ральфа, да еще сделанное в столь изысканной форме, смертельно опасно. Впрочем – не более опасно, чем его принять.

Телескопический объектив приблизил окровавленное лицо лежащего на песке.

Несколько раз щелкнул скоростной затвор. Потом объектив переместился на сидящего в машине Олега Дронова, и снова – щелчки. Последний раз – вслед удаляющемуся зеленому «жигуленку».

- «Седьмой», я «первый», прием.
- «Первый», «седьмой» слушает.
- Объект отработал в предполагаемом режиме. Разрешите приступить к выполнению штатного варианта.
- Разрешаю.

– Есть.

– «Второй», я «седьмой», прием.

– «Второй» слушает.

– Объект отработал в предполагаемом режиме. Приступайте к выполнению штатного варианта.

– Есть.

«Шестерка» быстро набирает обороты. Бросаю прощальный взгляд на пляж – он похож на раскаленный противень, а лежащее тело – на кусок сдобы. Июль, два часа пополудни-смертельная жара!

Глава 2

Скорость хорошая. Автомобиль словно летит над шоссе в колеблющемся мареве.

Кажется, асфальт разогрет настолько, что протекторы оставляют в нем рельефную колею.

К моей радости, в бардачке нашлись и сигареты. Закуриваю и лениво размышляю, какие статьи действующего законодательства я нарушил. Понятное дело, чтобы определиться, что можно нарушить еще – не увеличивая тяжести содеянного, ну и, разумеется, пятна на совести.

Итак: злостное хулиганство, нанесение более или менее тяжких телесных повреждений, оскорбление должностного лица – при возможном исполнении (исключительно действием, не до разговоров было), захват холодного и огнестрельного оружия (хотя сие – недоказуемо, марка револьвера и наличие глушителя позволяют предположить, что оружие нетабельное, и должностное лицо, «отдыхающее» сейчас на пляже, таскало криминальную «пушку» с собой по легкомыслию, как и я сейчас, причем исключительно с целью сдать первому же попавшемуся представителю власти. Безвозмездно.

Остается мелочевка: угон транспортного средства, покушение на убийство (недоказуемо!) и кража пачки сигарет. Короче – чист, как простыня в брачную ночь!

Скорость хорошая. И девчонка появилась неожиданно, словно ее вытолкнули на шоссе перед самой машиной. Мои руки мягко и плавно повернули руль, тоненькая фигурка в каком-то миллиметре пронеслась рядом с автомобилем и медленно замерла на асфальте, когда моя нога вдавила педаль тормоза. Все-таки не так уж плохо, когда мозги заняты совершенно ничемными размышлениями! Стоило им взять руководство на себя, начать взвешивать, как поступить, в какую сторону крутить руль, – и девчонка была бы размазана по радиаторной решетке.

Закуриваю и выбираюсь из машины. Девушка сидит на асфальте и смотрит на меня испуганными оленьими глазами.

– Не ушиблась? – протягиваю ей руку.

– Нет.

– Поднимайся.

Она легко встает, а я замечаю вдруг и длинные, чисто промытые волосы цвета льна, и пушистые ресницы вокруг фиалковых глаз...

– Тебе в город? – хрипло спрашиваю я, а сам снова радуюсь собственной голове, так редко берущей на себя труд хоть о чем-то думать.

– Да.

– Тогда нам по пути! – догадываюсь я, делаю приглашающий жест рукой и улыбаюсь оскалом жизнерадостного олигофрена.

– Вы так любезны, – замечает девушка, словно два часа

дождалась на жаре, а проезжающие мимо хлыщи обдавали ее пылью и презрением.

Девушка движется к машине, слегка покачивая бедрами, я люблюсь длинными, покрытыми золотистым загаром ногами и вдруг понимаю, что под коротенькой белой юбочкой ничего нет – никакого бикини. «Осуществляются мечты» – как говорил Райкин. Похоже, я все-таки перегрелся.

Девчонка оборачивается и смотрит мне в глаза, – у меня такое чувство, словно я подросток, подглядывающий из-за портьеры за взрослой дамой, и как раз сейчас упал карниз... Или у меня крыша поехала...

А все же она изумительно хороша!

С присущей мне элегантностью открываю дверцу авто и замираю в позе грума.

Она смотрит на жаркое замшевое сиденье, улыбается, словно извиняясь – «Ой, совсем забыла!» – достает из сумки белый комочек и...

Девушка поднимает юбочку-эластик до пояса, чтобы не мешала, не торопясь просовывает в трусики ножку, другую, выпрямляется и медленно подтягивает от коленей вверх. Оправляет юбочку, щеки ее очаровательно покраснели, словно у школьницы, услышавшей приятную непристойность...

– Извините, – и садится в машину.

Я же плюхаюсь на водительское место с видом человека, который только и делает в последнее время, что подвозит

голеньких девчонок с диких пляжей до городка.

– Меня зовут Лена. Можно сигарету?

Гордо подаю ей «Кэмел». Непосредственность, с которой она забралась в чужое авто и угощается чужими сигаретами, напоминает мне мою собственную.

– Олег, – говорю я, протягивая зажигалку.

– Мужественное имя. Хотя – несколько аскетичное.

– Да? – удивленно тяну я. – Никогда не считал себя аскетом.

– Но вы и не сластолюбец... Это ваша машина? Ее непосредственность очаровательна и безгранична. Просто хочется сдать ей под расписку и «жигули», и «ствол», и самого себя. Как представителю власти. Безвозмездно.

– Нет, – честно отвечаю, – я ее угнал. До этого машина принадлежала Центральному совету профсоюза гомосексуалистов-надомников.

Все это я проговариваю грустно и устало – как и положено погрязшему во грехе. Девушка смеется:

– Все вы врете.

– Да, – снова честно отвечаю я. – Вру. А вы?

– Что – я?

– Любите врать?

– Люблю. Только это не вранье, а фантазерство.

– И что же вы придумываете?

– Что хочу. А сейчас мне нужно выдумать вас.

– Ну и как, получается?

– Пока не очень.

– Почему?

– По-моему, вы не поверите.

Снова жму на тормоз. Но не потому, что собираюсь убежать милую попутчицу в том, как я ей верю, а руль мешает мне отчаянно жестикулировать. Просто поперек дороги стоит знак «Ремонт». И стрелочка, приглашающая в объезд, по проселку.

– Я верю только тому, что вижу, – произношу я задумчиво. Может, она примет меня за интеллектуала?

– Это вы о дороге?

– Нет, это я о том, что вы – натуральная блондинка.

Она краснеет, но ответить не успевает.

Из тени придорожных акаций выходит... девушка изумительной красоты. Только волосы у нее рыжие, глаза – зеленые, а на носике – замечательные веснушки. На нас с попутчицей она смотрит, как девственница на счастливых молодоженов во время брачной мессы.

– Ребята, не подкинете до Приморска, если вам по пути?

Вот что значит воспитание: «Если вам по пути!» Как будто, кроме проселка на Приморск, отсюда исходят шоссе на Париж и тракт на Санкт-Петербург!

С присущей мне элегантностью открываю дверцу авто. Девушка смотрит на жаркое, обтянутое замшей сиденье...

На мгновение зажимаю глаза... Сейчас она поднимет юбочку, под которой ничего нет, не спеша наденет труси-

ки, чтобы я успел полюбоваться ее фигуркой и оценить натуральность волос, потом щеки ее очаровательно покраснеют, словно у школьницы, услышавшей приятную непристойность...

«Вот вы и попались, Штирлиц!...»

«Белая горячка (деллирий) развивается на фоне систематической интоксикации организма алкоголем, причем дозы...» – начинаю вспоминать читанное когда-то в учебнике психиатрии.

– Спасибо. – Девушка садится и захлопывает за собой дверцу.

Уф! Пронесло! «Жигуленок» послушно съезжает на проселок.

– Меня зовут Олег, девушку рядом – Лена. Леночка сидит, рассматривая ведомую только ей точку на ветровом стекле, и очень похожа на капризную любовницу, раздосадованную нарушенным уединением и невниманием кавалера.

– А меня – Юля. Кстати, я вас знаю.

Лена бросает скорый, почти неуловимый взгляд в зеркальце заднего вида и снова изучает ветровое стекло, – рыженькая смотрит на меня.

– Да?

– Да. Вы – Дрон.

– Дрон? – Леночка удивленно вскидывает брови, словно яобманивал ее все семь лет супружества. – Так вас еще и так зовут?

– Я многолик.

– Дрон – это такая легендарная птица. Оставшаяся в единственном экземпляре.

Редкая. Слышали? – Юля радостно переводит взгляд с меня на Лену. Хочется надеяться, что радуется она моей редкости и тому, что отношения мои с сидящей рядом дамой не так близки, как ей показалось вначале.

– Нет, не слышала, – мстительно глядя на меня, отрезает Леночка.

– Ну это вроде... – Юля покраснела и еще больше похорошела. – Говоруна!

Мультик помните, по Киру Булычеву? «Птица-говоруна умна и сообразительна!»

Помните?

– Помню. Но ведь всех говорунов истребили. Ведь так? Резко жму на тормоз.

– Почему мы остановились? – спрашивает Леночка.

– У меня именно здесь предполагается личное, глубоко интимное дело.

– Что?..

– Мальчики – направо, девочки – налево. Можно наоборот.

Долгим взглядом смотрю на брелок и ключ в замке зажигания. Но так вот, демонстративно, забирать его считаю неудобным. Выходя из машины, окидываю взглядом верного «росинанта». Если уж ему суждено быть угнанным дважды

в течение пары часов – значит, судьбина такая.

Углубляюсь в кусты, пиджак болтается вокруг тощего торса, зато и «сбрую» можно заметить, только заведомо зная, что она надета. Спиной чувствую взгляд двух пар любопытных девичьих глаз.

Что ни говорите – а приятно быть редкою птицей!

– «Седьмой», я «второй», прием.

– «Второй», я «седьмой», слушаю.

– «Седьмой», у меня внештатная ситуация.

– Степень сложности?

– Коэффициент "с". Прошу выяснить возможное влияние.

– Принято.

– Разрешите форсировать штатный вариант?

– Действуйте.

– Есть.

Глава 3

Глеб Жеглов и Володя Шарапов За столом засиделись незря, Глеб Жеглов и Володя Шарапов Ловят банду и главаря-а-я...

Под бодрые звуки «Любэ» краденый «жигуленок» выезжает на большак. Пока ехали по проселку, девчонки сидели тихо, как мышки. Кстати, вернувшись к машине, я не обнаружил ни одной, ни другой.

Не было их минут семь, и я уже начал досадовать: такое приятное (вдвойне!) знакомство и – без всякого продолжения! А потому теперь поглядываю то на Лену, то на Юлю и размышляю, какой бы разговор начать. Например, о том, что за редкая я птица!

Но девушки молчат, а самому говорить о себе мешает застенчивость. В голове – снова никаких мыслей, только желания. И те-эротические. Как сказали бы в былые времена, «для служебного пользования».

«Эммануэль, Эммануэль...» – напеваю мелодийку из одноименного фильма. Не знаю, что за композитор колдовал над ней, но я готов поставить все реквизированные у громилы деньги против его жалкого сантима – эту песенку знаю с детства, причем со словами: «Жить без любви, быть может, можно, но как на свете без любви прожить...»

«Ата-а-а-с!» – бурно кончают «Любэ», а нам, похоже,

опять не до любви.

Сразу за поворотом вижу патруль. Похоже – милицейский. Хотя белая фата – вовсе не гарантия девственности. И кто только теперь не носит форму. Знал я одного интернационального гвардейца – он успел сменить штук семь форм и повоевать на стороне «всех воюющих сторон», как пишут в прессе, пока не решил открыть свой личный бизнес в этом милом южном городке, – накопленный опыт позволял ему рассчитывать на успех. Открыл. Похороны были скромными. Но имели, я бы сказал, воспитательное значение.

Два укороченных «акаэма» смотрят прямо в ветровое стекло с затаенной укоризной. И их хозяева тоже. Я понимаю и тех, и других.

В наше постсудьбоносное время Приморск сохранил статус чего-то среднего между Швейцарией с ее нейтралитетом, банками и непоколебимой надежностью и Лас-Вегасом. А наличие рядом Территории придает городку необходимую респектабельность, как тень сталинских высоток – нищете и скученности трущоб.

Короче, все склоки, разборки, войны – за пределами этого благословенного места. А ежели уж, паче чаяния, случается найти «жмурика», не похожего на бомжа и с признаками насильственной смерти, то, как правило, уже часа два к этому времени в одном из отделений сидит пришедший с повинной и глубоко раскаявшийся грешник, в состоянии сильного душевного волнения превысивший пределы необходимой

обороны и ненарочно (или нечаянно) «замочивший» голыми руками (или случайным бытовым предметом) хама, который вел себя нагло, вызывая и небезопасно для окружающих, да к тому же был вооружен. Все вышеотмеченное в протоколе тут же подтверждается свидетелями, заслуживающими всяческого доверия.

Ну а что до экспертизы – то разве поспорит какая-то мензурка с живым человеком? Если четыре персоны в один голос уверяют, что потерпевший поскользнулся и ударился головой об угол стола, причем случайно, то эксперту остается лишь отыскать обширную гематому в затылочной части черепа...

Но вооруженный патруль почти в черте городка – это что-то совсем из ряда вон... Это же не Таджикистан и даже не Москва – здесь люди отдыхают. И какие люди!

Нет, это не милиция. Скорее, какой-то спецназ. Милая мода: сейчас не то что республика – каждая область и город завели себе кто «беркутов», кто «соколов», кто «пантер», кто доморощенных «альф» или «бэт». И между спецназами социальное соревнование – кто из них спецнажнее... Сегодня «беркут» поклевал «пантер», завтра «пантеры» порвали «беркутов»...

– Стар... нант... аев, – представляется офицер, лениво поднося ладонь к кепочке. И выражение морды лица он, вроде, тоже позаимствовал из американского боевика. А может, и нет, – просто и для наших стала обычной этакая смесь лени, презрения и превосходства, какую испытывает воору-

женный человек рядом с безоружным.

– Что-то случилось? – Леночка улыбается офицеру, демонстрируя безукоризненные перламутровые зубки.

– Так вы из отряда «Сокол»? – восклицает Юля, восхищенно рассматривая нашивки и шевроны на пятнистой униформе.

Вообще-то красивыми девчонками в Приморске никого не удивишь. Их здесь больше, чем во всех остальных городах СНГ вместе взятых. А уж в это время года – и подавно.

Но старлей "потек". То ли воинская служба сделала его таким восприимчивым, то ли просто перевели сюда из какого-то дальнего гарнизона. А может, он вообще не имеет никакого отношения ни к Приморску, ни к Территории, ни к охране порядка? И стоит здесь с ребятами на тех же основаниях, на каких я разъезжаю на данной «шестерке»? Именно это и предстоит выяснить, прежде чем сдать в руки властей «пушку», авто и самого себя – до выяснения.

– Так вас в Приморск недавно прислали? – снова спрашивает Леночка. Хочется похвалить ее непосредственность. Но старлею, похоже. Юля понравилась больше. Не сводя глаз с ее загорелых ног, мельком бросает взгляд на права, которые пытаюсь предъявить (мои собственные, с фото!), и снова переводит его на девичьи ноги.

– В Приморск направляетесь? – спрашивает военный с сообразительностью, напоминающей мою собственную после встречи с Леночкой. Очень хочется сказать, что в Марсель,

но боюсь – поверит и потребует таможенную декларацию.

– Да, – отвечаю.

– Что в багажнике?

Хотел бы я сам это знать – может, пуд героина, а может, и труп мэра города.

Поэтому отвечаю правду:

– Ничего особенного.

– Ничего подозрительного на дороге не заметили? – продолжает спрашивать старательный старлей, хотя мои ответы ему так же интересны, как мне – его вопросы.

Пожимаю плечами. Разве не подозрительна девчонка, выскочившая перед самым автомобилем, словно за ней кто-то гнался, надевающая без тени смущения в твоём присутствии трусики и при этом так же похожая на проститутку, как я – на инструктора обкома партии былых времен. Разве не подозрительна девчонка, ждущая попутку в месте, где нет ни моря, ни пляжа и куда добраться можно только на автомобиле. Да и не было никакого спецназа в городе вчера вечером, – такие вещи в Приморске становятся известны быстрее, чем направление ветра.

Ребятишки с автоматами, видя мирную беседу шефа с пассажирами, отошли к пятнистому «уазику» у обочины, закурили. Похоже, большой интерес у них вызвала как раз Леночка – о вкусах, как говорится, не спорят. Хотя мне нравятся обе.

– Разрешите ваши документы? – обращается офицер к

Юле. По-моему, он просто хочет познакомиться, но не находит способа изящнее.

– У меня нет с собой, – просто отвечает девушка.

– Ее зовут Юля, и по вечерам она бывает в кафе «Три карты», – произношу я.

– Каждый вечер? – интересуется старлей у девушки, не удостоив меня взгляда.

По-моему, он принял меня за жиголо или альфонса, что лишний раз подтверждает – в Приморске он человек новый.

– Почти. Так вас недавно перевели в город?

– Этой ночью.

– И сразу на дежурство?

– Служба. Но сегодня вечером я свободен. А вы?

– Еще не решила.

– Так решайте. «Три карты» – приличный кабак?

– Неужели вы полагаете, что я бываю в неприличных?

– Да нет, я не то... – вояка на секунду смешался, – я имею в виду форму одежды, так сказать, чтобы не выглядеть неуместно...

– Смокинг необязателен, – смеется Юля. – Только...

– Что только?

– Это очень дорогой ресторан. Старлей хмыкает и сальным взглядом собственника окидывает фигурку девушки:

– А я человек не бедный. Так до вечера?

– Может быть, – пожимает плечами Юля.

– Так нам можно ехать?! – произносит Леночка раздра-

женным тоном отвергнутой красавицы. Лейтенант усмехается всепонимающей гримаской опытного сердцеда, полупрезрительно кивает мне:

– Езжайте.

– Товарищ старший лейтенант, для вас сообщение от «сокола-три»! – кричит один из бойцов от «уазики».

Старлей неспешно идет к машине – и, наверное, кажется самому себе в этот момент Микки Рурком, Сталлоне и Шварцнеггером одновременно.

«Жигуленок» набирает скорость. И тут девчонки начинают хохотать. Сначала Леночка – она словно поперхнулась чем-то, плечи затряслись:

– Пе... пе... петух гамбургский... ха-ха-ха...

Юля тоже смеется, уткнувшись носом мне в шею:

– К-к-конь педальный! Ха-ха-ха...

– Булит недобитый!

– Хамса баночная!

– Башмак конвойный!

Насмеявшись, девушки вытирают слезы. Закуриваем втроем.

– Дрон, поймите что-нибудь веселенькое, – просит Юля. Щелкаю тумблером.

Это конец, конец любви, пробил ее последний час...

– Не, это трагедия, – улыбаясь, комментирует Леночка. – Так и кажется: душка-певец уже выложил свое хозяйство на чурбачок, допоеет – и. ухнет топором.

Забывая, что его конец – национальное достояние и принадлежит народу.

– «...по сообщению Интерфакса. Между тем близкие к правительственным кругам заслуживающие доверия источники утверждают, что вице-премьер не только знал об открытии этого счета, но и заранее перевел на него пятьдесят миллионов долларов, валютные средства, которыми расплатились покупатели за первую партию стратегического сырья. В свою очередь Николай Игнатьев, доверенное лицо вице-преьера, обвинил...»

– Дрон, да выключи ты эту мутату!.. – возмутилась Леночка.

– Ребята, поймайте музончик повеселее, – закапризничала Юля.

Отказать даме не могу – снова тянусь к ручке настройки.

– Дай я попробую, – просит Лена.

– «Восьмой», я «четвертый», прием... «Восьмой», я «четвертый»...

– «Четвертый», я «восьмой», что у вас?

– Чего это такое? – спрашивает Юля.

– Похоже, милицееское радио, – отвечаю я.

– Как интересно... Послушаем? Лена кивает и смотрит на меня. Ха, если им интересно, то мне и подавно!

– «Восьмой», я «четвертый»... «Восьмой», я «четвертый»...

– «Четвертый», я «восьмой», да говори же, блин горелый!

Где находишься, что? Докладывай!

– Нахожусь на тридцать первом километре загородного шоссе...

– Итит твою... Как вас туда занесло, «четвертый»?.. Чего молчишь, я тебя русским языком спрашиваю – где ваш участок и каким рожном вас занесло аж на тридцать первый?.. Не слышу, прием!

– Мы решили проверить...

– У всех ли загорающих девок целки на месте?.. И не сви-сти мне...

– Да товарищ капитан, труп у нас тут!

– Че-е-го?!

– «Жмурик»!

– Свежий?

– Ну. Теплый.

– Мужик?

– Ага. И здоровый притом. Морда вся разбита. И – водя-рой разит.

– Документы?

– Никаких.

– Не бомж?

– Нет. Брючата стильные, «шузы» под лак, «котлы» швей-царские, баксов на сто тянут...

– Значит, не ограбление...

– Не похоже... А может, и грабанули – кто знает? Может, чувак золота или баксов чемодан вез...

– На чем вез? Машина стоит?

– Не, машины нет, но непохоже, чтобы малый сюда пешком приперся. Не из таких он.

Я сижу, вцепившись в руль, и чувствую, как пот струйками сбегает по спине.

Неужели верзила сыграл в ящик? От легкого нокаута? Плохо мое дело... Все мои давешние преступления, благо-совершенные и надуманные, как менее тяжкие, поглощаются одним: преднамеренным убийством...

– А из каких?

– Верзила, амбал. Качок, причем жирком малость по-оброс от вольготной жизни. У казино такие стоят, в «Трех картах» – да мало ли...

– В лицо не признаешь?

– Да тут от лица-то осталось...

И светит мне лет десять, а то и пятнадцать. За особую жестокость и цинизм.

Телохранитель тоже... А может, он гипертоник? Ага, наберет себе Ральф калек, ждите! Что-то тут не вяжется.

– Так он что, от побоев умер? Драка, или его пытали?

– А я разве сразу не сказал?

– Идиот!

– Убит. Пулей в затылок.

– Да-а-а...

– Вот и мы с Серегой думаем...

– Заткнись, а?

В эфире молчание – только слышно, как потрескивают электрические разряды или нейтрины какие-нибудь.

– Я «восьмой», я «восьмой», вызываю все машины, все меня слышат, ребята?

– «Второй» на связи...

– «Шестой» на связи...

– «Первый» на связи...

– Ребята, кто слышал, думаю, все поняли. Кто не слышал – поясню: судя по всему, профессионалы начали разборку. На нашей территории. Короче, к вечеру прояснится, что и как. А пока и впредь до особого распоряжения объявляю повышенную боевую готовность во всех подразделениях РОВД и приказываю...

– Василий Кузьмич, по радио-то...

– Горобенко, бдительный ты наш... Заткнись, а?

– Слушаюсь.

– Мне нечего скрывать. Если кто слышит, пусть слышит. Приказываю: личному составу патрульно-постовой службы, уголовного розыска, иных служб усилить имеющимися силами и средствами контроль за ситуацией в городе; в случае неподчинения сотрудникам милиции и невыполнения их требований приказываю применять оружие и открывать огонь. На поражение.

В эфире – снова лишь треск электрических разрядов. Или это «жигуленок» шуршит шинами по асфальту?

– Да-а-а... – хмыкает Леночка и прикуривает сигарету. –

Веселенькая музыка... – Она поворачивает ручку настройки:

Атас! Так веселись, рабочий класс! Атас! Танцуйте, мальчишки, любите девочек. Атас! Пускай запомнят нынче нас. Малина-ягода. Атас!

Атас!

Ат. – а-ас!..

– «Седьмой», я «первый», прием.

– «Первый», «седьмой» слушает, прием.

– «Седьмой», штатный вариант выполнен. Ситуация активизирована по схеме «эй-си».

– Объект контролируется?

– Так точно.

– Продолжайте вести объект. Только нежно.

– Есть.

– «Четвертый», я «седьмой», прием.

– «Седьмой», «четвертый» слушает, прием.

– «Четвертый», приказываю активизировать ситуацию на вашем участке.

– Есть. Штатный вариант?

– Да. Схема «эй-си-ай».

– Время начала операции?

– Немедленно.

Глава 4

Городок открылся сразу, как только мы въехали на сопку. Не большой городок и не маленький – разбросанный. Люди живут в беленых домиках с садами. Есть, правда, несколько районов на горках, застроенных многоэтажными «панельками», – так их обитателей просто жалко. Впрочем, дайте время – дворы зарастут деревьями, балконы и окна завьются виноградом и «панельки» станут уютными, словно просто подросшими белеными домиками.

Мне повезло – три года назад недорого купил крохотный домик. Скорее даже глиняный сарайчик с двориком три на пять шагов, увитый виноградом так, что вполне может сойти за комнату. Отдохновение души – после тесноты хрущевской коммуналки, доставшейся мне в результате джентльменского развода с супругой. В сырой и суетной Москве переживаю время лишь до первого тепла, потом – сюда.

Домик стоит на отшибе, спуститься вниз к морю – дело пяти минут.

Главная достопримечательность Приморска – «лестница». Две длинные улицы, бывшие Ленина и Сталина, протянувшиеся во всю длину городка, соединенные бесчисленным множеством переулков. «Лесенка» сплошь состоит из кафе, пивных и магазинов-лавочек, заваленных всяким барахлом (благо Турция – рукой подать) и массой бесполезно-

стей, столь милых сердцу отдыхающих. Они и шатаются по «лесенке» с полудня до поздней ночи, одни – убивая остановившееся для них время в бесполезной трате денег, другие – стараясь эти деньги наварить, третьи – ища приключений на свою задницу.

Городок живет морем. Кто мотается за товаром и обратно, кто развлекает приезжих как умеет, кто – обслуживает Территорию. За последние два года окраины застроились особняками и виллами «новых богатых», не замедлили явиться и веяния времени – казино, стриптиз-шоу, бары и кабаки с кондиционерами, не говоря уже о девочках. Их и раньше по летней поре здесь было навалом, но не таких: эти похожи на новенькие хрустящие четвертные былых времен – элегантны, исключительно красивы, полны холодного достоинства и знают себе цену. Хотя по мне: девки – они девки и есть.

– Кому куда? – вспоминаю о попутчицах.

– А ты куда? – спрашивает Леночка. На этот раз ее девственная непосредственность раздражает. Мне просто необходимо избавиться от «колес», «пушки» и клубного «клифта», поскольку сдаваться в руки властей при сложившихся обстоятельствах не входит в мои планы. И еще – нужно уединиться и подумать.

– На базу, – отвечаю, строго.

– На какую базу?

– Торпедных катеров.

– А разве в Приморске есть?..

– Ага. Топ сикрет. Большой секрет. Тайна. Мистери.

– Жлоб, – обиженно надувается Леночка. – Высади меня здесь.

Похоже, я перестарался. Обижать девчонку не хотелось. Притягиваю Леночку к себе и чмокаю в щеку. По-братски. Почти.

– Извини. Перегрелся. Куда тебя подкинуть?

– На Конева. Я там квартиру снимаю.

На Конева. Набережная, центр. Квартирка недешевая. Впрочем, Леночка вполне смотрится на сотрудницу солидной иностранной фирмы. С представительством в Москве. Что-нибудь при компьютере. Если так – почему бы не позволить себе?

– Дрон, останови, пожалуйста, я здесь выйду, – это Юля. Мы как раз у автостанции. – Поеду к бабушке.

– Так ты местная?

– Мама отсюда родом.

– А-а-а... – тяну я, чувствуя досаду. Наворот-наоборотом, разберемся, а такую красивую девчонку упускать не хочется. Леночка усмехается – и это все решает. Чтобы одна красотулечка что-нибудь или кого-нибудь уступила другой?

Дудки!

– До встречи. – Юля улыбается, и я словно тону в ее зеленых, как море, глазах.

– Да? И где же мы встретимся?

– Ты же сам сказал – в «Трех картах».

– Так ты там все-таки бываешь?

– Была. Один раз. И буду сегодня вечером. Может быть...

А где я буду вечером? Вот что хотелось бы знать. Видя мое замешательство, Юля добавляет:

– Или – приду к тебе в гости. Как-нибудь. Если пригласишь.

– Приглашаю. Только...

– Я знаю. Хижина на берегу моря. Так романтично.

– А-а-а...

– Ну да. Я же местная. – И Юля... показала Леночке язык. – До встречи, Дрон! – Развернувшись, взметнув подол легкого платяица, и зашагала к остановке.

Упруго, словно танцуя.

Я тронул машину.

...Лихо подкатываю к дому.

– Поднимаешься? Угощу кофе. Или – чем покрепче.

– Лучше – чем покрепче.

– Идет.

– Но попозже. Через часик.

– Дела?

– Машину одолжил. Надо вернуть.

– Профсоюзу надомников-гомосексуалистов?

– Ага, центральному.

– Буду ждать. Квартирка шестнадцать.

– Ага.

И тут Леночка приближается ко мне и целует в губы. А

ее правая ладонка скользит по джинсам и замирает на самом достойном месте... А девушка уже вновь далеко от меня, словно ничего и не произошло. Облизывает губки и лукаво улыбается:

– Вот вы и попались, Штирлиц. Это – конец. А где же пистолет?.. Возвращайся поскорее, жду, – и выскальзывает из салона.

Чего она ждет конкретно – из речи ее не ясно, но все же киваю на всякий случай. Дескать, догадываюсь.

«Шестерку» загоняю в один из тихих «лестничных» переулков. Тщательно обтираю все места, которых касался, так же поступаю с бутылкой из бардачка и всякими мелочами – зажигалкой, ключами, документами, «сбруей», «пушкой», ножом, бумажником. Деньги оставляю – грабеж, конечно, но в данной ситуации воспринимаю это как заем – вплоть до выяснения, ну и, частично, как компенсацию морального ущерба. Тем более хозяину деньги уже не пригодятся. Напоследок, из нездорового любопытства, заглядываю в багажник – чисто: насос, запаска, всякий хлам. Обтираю крышку, снова – ключи, забрасываю их в салон вместе с носовым платком, позаимствованным из того же пиджака, и захлопываю машину. Ногой.

Итак – тут чисто. Теперь подумать. В погребе на углу выпиваю стаканчик виноградной водки, беру бутылку охлажденного марочного портвейна и уединяюсь на дальней лавочке в сквере.

Итак, подобьем бабки.

Кто-то меня подставляет, и по-крупному.

Сначала посылают дебила с приглашением к Ральфу. Дебил меня не знает, я его тоже (а может, он и не дебил вовсе – пешка, которой пожертвовали). Верзила меня оскорбляет, не предвидя реакции, – но те, кто его посылал и инструктировал, все рассчитали точно. И то, что я человек вспыльчивый, и то, что оскорбить меня безнаказанно нельзя. Знали они также, что справиться со здоровяком я сумею.

И наконец учли мое легкомыслие: оставил верзилу на берегу и покатил на его машине – дескать, будет наука, когда оклемается. А некто хладнокровно выстрелил ему в затылок.

Пойдем дальше. В машину ко мне подсаживаются две изумительно красивые девчонки. Снова кто-то учел мои слабости, – не посадить их я не мог, и та и другая знают, кто я, – вот и два свидетеля. Плюс старлей спецназа, он мигом вспомнит и клубный пиджак, и зеленую машину.

Короче, кому-то выгодно не просто ухлопать верзилу – если он чем-то мешал, могли просто утопить в море – концов не найдешь. Значит, цель – не просто повесить на меня «мокруху», а подставить, и подставить плотно. Кому я мешаю? Или – чего они хотят?

Кто – «они»? У меня есть три конца: Ральф – его назвал верзила, Лена и Юля – этих я не прояснил. Ну и старлей – по всей видимости, фигура случайная, но выяснить нужно. Вроде все.

Портвейн я допил – настроение улучшилось.

– Бутылочку можно?

– Что?..

– Бутылочка не нужна?

Передо мной, просительно согнувшись, стоит мужичонка в сальном пиджачке с истертой сумкой в руках.

Санитар сквера. Воняет же от него...

– Благодарствуйте. – Бутылка исчезает в сумке, а мужичок наклоняется, подбирает несколько окурков, сует в карман пиджачка, просительно смотрит на дымящийся окурочек в моей руке. Бросаю окурочек, даю ему сигарету. Сигарету он тут же прячет, суетливо подбирает окурочек и сует в рот:

– Премного, премного благодарны, – кланяется, с удовольствием затягивается и семенит к выходу из сквера.

А настроение снова испортилось. Сам не знаю, почему... Скверный мужичонка.

Вот именно: скверный. Завсегдатай сквера. Вроде еще нестарый – занялся бы чем-нибудь вместо того, чтобы тару шакалить. Ладно, не мое дело – проехали.

А чувство досады не отпускает. Словно я что-то упустил, не заметил. Только не могу понять – что.

Может быть, просто захмелел? Ну что ж, сейчас протрезвеем. Подхожу к стояку разливной палаточки, выбираю бутылку с этикеткой подороже – хотя какая разница, из одной бочки наливают – и одним махом глотаю почти это коньяк, приполный стаканчик. На мое удивление хороший.

– Дарагой, зачем напыток обижаешь, – укоризненно качает головой продавец-грузин.

– Да кто ж знал, – развожу виновато руками.

– У меня плохой напыток нэ бывает, всэ знают.

– Извини, спасибо.

– Заходы еще, дарагой!

Мимо по улице несется милицейская машина, взвизгивает на углу тормозами и устремляется в переулок. Как раз в тот, где я оставил «росинанта». Движимый нездоровым любопытством, иду туда же.

У машины – уже небольшая группка людей.

– Проходи, проходи, – раздраженно толкает зевак сержант, поигрывая «демократизатором». Но людей прибывает – любопытство штука заразная.

Пристраиваюсь чуть позади и...

На переднем сиденье «жигуленка» в раскованной позе сидит высокий, моложавый, несколько полный мужчина. На нем прекрасно сшитый костюм – серый с серебром. Лицо чуть повернуто в сторону водительского сиденья. Но и при этом легко можно заметить в лице непорядок. Кто-то влил ему пулю в переносицу.

Сиденье и дверца залиты кровью из выходного отверстия на затылке. На водительском месте – знакомый мне кольт с глушителем.

Да и убитый не бомж. Известен в Приморске каждому. Валентин Сергеевич Круглов. Мэр города. Он же – Ральф.

Приехавший оперативник открывает переднюю дверцу, поднимает с пола предмет и разглядывает на свет, аккуратно держа между ладонями. Чувствую, как подкатывает тошнота, – в руках оперативника не что иное, как пустая бутылка из-под портвейна, марочного, крымского, выпитого мною полчаса тому назад.

– «Седьмой», я «четвертый», прием.

– «Седьмой» слушает, прием.

– Ситуация активизирована. – Штатный вариант, схема «эй-си-ай».

– Реакция объекта?

– Пока неясна.

– Выясните.

Глава 5

Дело мое – табак. Бывает хуже, но – реже.

Сзади снова визжат тормоза – «ниссан-патрол» с мигалкой на крыше. С переднего сиденья грузно вываливается Кузьмич – широкий, массивный, капитанские погоны на покатых литых плечах напоминают спичечные этикетки. На мента же он походит так же, как я на девицу легкого поведения.

Кузьмичу пятьдесят три, но вполне можно дать и тридцать пять, как кому понравится. Жесткие седые волосы коротко подстрижены, как он называет, «под бокс», на загорелом до черна лице выделяются ясные, как сентябрьское небо, глаза.

«Мужик – упасть, не встать!» – как выразилась одна гастролировавшая в Приморске знаменитость. Широкие пятнистые спецназовские брюки, заправленные в мокасины, в оперативной кобуре на поясе – девятимиллиметровый «ПС» вместо «Макарова», – полушериф, полуковбой. На первый-то взгляд. И еще, в углу рта – неизменный окурок «гаваны». Впрочем, здесь ни тени фанфаронства – сигары Кузьмич курит лет двадцать пять.

Ну а капитан – потому что чихать он хотел на всякое и любое начальство.

Раза три ему вешали майорскую звезду и раза три снимали – неуживчив, характером крут. Да и бабы – с ними где

найдешь, там и потеряешь.

Приморским РОВД руководит бессменно лет десять – в городе он, хоть и крутой, но Хозяин, это давно оценила Территория, им хлопотное соседство ни к чему, а потому и Кузьмина сместить с должности хрен кому по силам. Ну а если ему в городе кто не по душе – укатает.

Он долго молча смотрит на труп Круглова, приказывает эксперту:

– Ты это, чтобы все по форме... И побыстрее.

– Сделаем, Василий Кузьмич.

Снова бросает взгляд на труп и цедит сквозь зубы:

– Доигрался...

Садится в машину, хлопает дверцей.

– В управу! – И исчезает так же скоро, как и появился.

Ну а меня ноги несут к знакомому питейному стояку.

– Понравылось? – радостно встречает продавец.

Беру сто пятьдесят, бутылку с собой, гору жареного мяса и пять шоколадок.

Выпив, начинаю уминать мясо с энергией, достойной лучшего применения. Интуиция (вот ведь тонкая штука) подсказывает, что поесть в другой раз удастся не скоро.

Если удастся вообще – ну да о грустном или ничего, или хорошо...

Закуриваю... Итак, у меня в запасе минут сорок. Как раз, чтобы снять «пальчики» с бутылки и прикинуть, кому они принадлежат... А мои-то у Кузьмича имеются...

...В Приморск я прикатил в бархатный сезон девяносто первого. В аккурат подчистую спроваженный на «заслуженный отдых» после августовского «недоворота».

Для меня те события вылились в окончательный «разбег» с женой и увольнение с работы. Официально я числился «мэнээсом» в Институте Азии (Восток, дело тонкое!), ну а на самом деле работал аналитиком по проблемам одной близкой восточной соседки. Проблемы ее были сугубо внутренние, а потому и разработка их велась неофициально. По окончании «унивсра» мне предложили работать по той же теме, что и мой кафедральный шеф, капнули на плечи парой звездочек, дали после женитьбы отдельную квартирку и умеренно загрузили работой. Приятно было и то, что ни в какую «контору» ходить было не нужно: я получал необходимые материалы и должен был к такому-то числу сделать их аналитический разбор со своими выводами и рекомендациями. В любом спецхране любой библиотеки или института я получал любую литературу, чем беззастенчиво пользовался, восполняя пробелы в знаниях истории собственной страны, как, впрочем, и всех остальных вместе взятых и каждой в отдельности. Разумеется, в святая святых – партархивы – я допущен не был, но и не жалел: меньше знаешь, легче спишь, да к тому же информация о том, что лидер такой-то компартии был гомиком, а известный деятель марксизма – тайным провокатором, тайным евреем, тайным узбеком, тайным поклонником Ницше, тайным шизиком да еще любил играть

в «бутылочку» или в «солдатики» – с летальным исходом, – ничего нового к моим знаниям о людях не прибавляла, а изречение «Что есть добродетель?» покрыто для меня мраком непроницаемой тайны и по сей день. К полному моему восторгу я оказался... моряком! Бог знает зачем (как зачем? – положено; в армии не порядок, там распорядок, а на флоте – тем паче!) мне пошили форму и даже выдали кортик. Вот только узнать, на каком флоте я служу, так и не представилось возможным.

Раз пять меня выдергивали на тревоги и сборы; тревоги были настоящие – вывозили на «объект», в бор, сажали в отдельную комнату, загружали материалом и через шесть-восемь часов будь любезен: выводы и рекомендации на одной страничке.

Ну а сборы воспринимались экзотикой: обстрелка (это когда по тебе стреляют настоящими пулями, дабы не сачковал, а окапывался и переползал как положено), огневая подготовка, диверсионная подготовка. психологическая подготовка, борьба за живучесть... С таких сборов я приезжал худой, как насос, жилистый, как орангутанг, и спокойный, как черепаха, – куда спешить, когда той жизни – всего-то триста лет!..

Но полного счастья нет нигде, даже в Крыму.

При всей ответственности наши разборы были кому-то нужны, как газета «Социалистическая индустрия» нильскому крокодилу. Власть имущие принимали решения, пользуясь цитатами классиков и пролетарским чутьем, которое ост-

рили, надо полагать, перечитывая нетленку «Ленин и печник» и общаясь с грудастыми девами «из народа». Ну а к «судьбоносным перестроечным» у меня был накатан вялый «диссер», по защите которого от дел аналитических я отвалил на преподавательскую работу при полном поощрении начальства.

Все потому, что и на любой-то работе человек со временем приобретает опыт, но теряет вкус, свежесть взгляда, да и удовольствие. Перерыв был ко времени. Тем более что новый лидер, сгоряча обозвавший себя политиком, стал сугробить такое, что человек соображающий легко мог запить горькую, тупой – стать искренним запевалой перестройки, ну а остальные...

«По делам их узнаете их»... Антиалкогольная кампания привела к тому же, к чему полстолетия назад привела Штаты: к созданию высокоорганизованной преступности. Единственный созидательный результат. Как выражался старик Маркс, нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради прибыли в тысячу процентов. Хоть в этом-то он оказался прав.

Ну а когда плю-ю-у-рализм гэкнул во всей красе, про меня вспомнили и воткнули в Отдел. Для аналитической проработки ситуаций, только уже на наших окраинах. А ситуации крутились по одному стереотипу: против нас работали серьезные профессионалы, правда, без фантазии, прокатывая удачный сценарий с малой «поправкой на местность». Запо-

лыхали «межнациональные конфликты», а ребята из оперативной группы Отдела, всю ругаемые «демократической прессой» и «свободным телевидением», заливали упомянутые пожары по старинному русскому обычаю: своей кровью. Справедливости ради отмечу, советы профессионалов учитывались той и другой сторонами. Те – обеспечивали политическую поддержку своим на всех уровнях, здешние – активно действовали наоборот.

Остаться в такой ситуации только человеком при бумажках, полупридумке, было стыдно, так что пришлось и побегать.

Навыки, полученные в «летних оздоровительных лагерях»,годились. Мне повезло: к лагерной подготовке я сразу отнесся как с спорта, а не как к неизбежному и ненужному занятию.

Лучше всего пошла «рукопашка». Умения, приобретенные когда-то в спортшколе на отделении бокса, и помогали, и мешали одновременно. То есть поставить удар заново было сложно, бил, как привык, прыгая, двигаясь, с обязательным разворотом корпуса. Ну да инструктор оказался человеком тертым и с пониманием, – у «стажеров», как нас называли, он считал нужным развивать уже имеющиеся качества.

Это не значит, что меня не научили стрелять. Огневая и диверсионная подготовки были профилирующими предметами – огонь навскидку из разных видов оружия, работа со всеми видами взрывчатки, кратковременные огневые кон-

такты между «синими» и «зелеными», навыки обращения с холодным оружием и «спецсредствами» – газы, аэрозоли... Что еще?.. Вождение всех видов транспортных средств, бег по пересеченной местности не только с боекомплектom, но и в бронежилете, и снова – огневые контакты и «рукопашки»..

По правде говоря, время тогда было тихое: милиционеры, и те получали табельный «ПМ» только по особому случаю, правда, без права стрелять и нередко – без патронов. Любой, даже случайный выстрел в черте города) рассматривался как ЧП. Представить, что через несколько лет страна превратится в «единый военный лагерь», причем неизвестно будет, кто с какой стороны...

Короче, лагерь спецподготовки существенно отличался от сборов «партизан».

Группа состояла из двадцати двух человек; работали мы на совесть и полученные знания полагали применять исключительно против «внешнего супостата».

...Стрелять я научился... Не виртуозно, но терпимо. Впрочем, во всех позднейших конфликтах меня берегли как «думного», намеренно ставили «вторым номером», ибо знали, что стреляю густо, но неточно. Зато оценили «рукопашку», – вместе с бронежилетом мой вес был под центнер, ногами не размахиваешься, но после удара рукой – редко кто продолжал функционировать в активном режиме...

И хотя именовалось происходящее «конфликтами и столкновениями в горячих точках», по сути – это была война... А когда удавалось вывезти из-под огня плачущих мужчин, которые не могли защитить свои дома, потому что умели только пахать землю, чинить станки, но не умели воевать, или женщин, дело которых быть любимыми и растить детей, – оставалось чувство хорошо сделанной работы.

Пока меня два года болтало по трещащей по швам державе, жена обрела покой и отдохновение на выпуклой груди бывшего комсомольского вожака с хорошим бизнесменским будущим.

Карнавальный августовский заговор автоматически решил все мои проблемы:

Отдел не то чтобы признали крайним, но и не шибко нужным; к тому же наш куратор на верхах то ли во что-то вляпался, то ли, наоборот, не вляпался, то ли сказал что-то не то, что ли промолчал не там и не тогда... Короче, нас распустили по отставкам, снабдив хорошим выходным пособием. Играть в войнушку я устал и в звании капитан-лейтенанта ВМС прибыл наконец к морю. В складчину с воркутинским экс-шахтером мы приобрели у отъезжавших на историческую родину крымских татар недвижимость на побережье: ему – домик, мне – сарайчик с садиком, колодцем и морем.

Ну и бархатным сентябрьским вечером пошел я побродить по городку. Желания мои были пусты и сиюминутны, намерения – просты и определены. Мужчине без женщины порой более одиноко, чем без собаки. Это я без балды. Собака – друг, а женщина?..

Кабачок «Верба» показался в меру уютным и шумным. Озадачив метра денежкой, я получил отдельный столик в углу, где и расположился за шкаликом «Столичной», бутылкой шампанского, закусками, сладостями и фруктами. После третьей рюмки я решил, что в целом жизнь моя складывается вполне удачно, но для полного счастья не хватает юного создания лет эдак девятнадцати – двадцати, девушки, с которой мы предались бы сладкой жизни, откупорив мускатное...

За соседними двумя составленными столиками расположилась компания. Отдыхали они шумно и, на мой вкус, несколько развязно, ну да о вкусах не спорят. Потом оттуда поднялась девчушка и направилась ко мне.

– Угостишь? – спросила она, усевшись без приглашения за мой столик.

– Это вряд ли. – Девушка была вульгарна, да к тому же малолетка, и становиться удойным чайником для всей компании мне вовсе не хотелось.

– Тогда я сама угощусь! – Девушка взяла бутылку.

– Секундочку. – По-моему знаку подбежал официант, щедрые чаевые не остались незамеченными.

– Даму мучит жажда. Стакан молока, пожалуйста.

– Ах ты, гнусняк, – девица покраснела, – сучара позорный. – И отвалила.

Оставалось ждать продолжения.

Из-за соседнего столика поднялись двое: широкоплечий красавец с не опускающимися из-за накачанных мышц руками и мелкий хлыщ из породы подлипал – гундосый. И тоже присели за мой столик. Большой откупорил мою бутылку шампанского и разлил себе и маленькому.

– Слушай, Шура, растолкуй мне одну ситуацию, – начал «подлипала».

– Ну?

– Представь себе, сидят молодые люди, отдыхают, за жизнь говорят, ну и никому решительно не мешают...

– Ну?

– А с ними отдыхают две милые девушки... Твое здоровье, Шура! – Приятели выпивают и наливают еще. – И вот представь, появляется... появляется некий Ху, по обличью пидор, по повадкам – мурло и начинает приставать к одной из девушек...

– Ну?!

– Делает ей грязные предложения, раздевает...

– Ну!

– ...Взглядом и требует, чтобы девушка у него... Ты понимаешь?

– Падла! – Шура положил руки на стол, демонстрируя

сбитые костяшки и массивный серебряный перстень в виде оскаленной волчьей головы, – штука, вполне заменяющая кастет.

– Согласен, Шура, не горячись. Выпьем? Они снова сдвигают бокалы, Шура громко рыгает в мою сторону.

– Представь, Шура, в мужском сортире, в присутствии третьего лица, да еще и голая... Шура, это беспредел?

– Беспредел.

– Как реагировать молодым людям, пригласившим девушку в приличное заведение, на домогательства этого пи-дора?

– Надо его вые...

– Это само собой, но сначала он оплатит моральный ущерб, деньгами, естественно, потом пройдет с нами в сортир и отсосет у каждого, а наши дамы понаблюдают, правильно ли он будет это делать, – может, и им есть чему поучиться? А, Шура?

– Пидоры, они баловные, – гоготнул Шура. Пока эти птенцы приморских скал чирикали, меня посетила грусть. Мир несовершенен, потому что несовершенен человек? Но разве это люди? Чем они сейчас заняты? Они ломают человека, превращают его в дерьмо и получают от этого удовольствие.

Не по-людски это. И проделывают, видно, не в первый раз.

Выхода у меня два. Первый: опускаю большому что-то на голову, ударяю слегка подлипалу и к лидеру – это плотный паренек моих лет, внимательно наблюдающий за происходящим. Его – блокировать, но нежно и накатить: «Братан, ты за

кого меня держишь, в натуре, уйми бакланов, поговорим...»
— и далее по тексту.

Но раз пришла грусть... И в заведении как-то стихло — посетители жуют, уткнувшись в тарелки... И вспомнился Сережка Найденов, убитый далеко от России...

— А я думаю, Шура, что это за фраер...

Окончить фразу мелкий не успел. Беру его за шевелюру и тяну голову назад.

Он, понятно, сопротивляется мышцами шеи, а я резко опускаю его вперед переносицей, на угол стола. Что дальше с ним — смотреть некогда. Со здоровяком нас разделяет стол, и, пока сигнал от зрительных рецепторов достигает его куцевого мозга, пока мозг перерабатывает полученную информацию, а его обладатель делает попытку встать, на него обрушивается стул, а следом — бутылка из-под шампанского, — не пропадать же добру. С образовавшейся «розочкой» прыгаю грудью на стол к негостеприимным соседям и, обняв лидера за шею, как нелюбимую девушку, падаю через него. Быстро поднимаюсь, а лидера заставляет поторапливаться «роза», приставленная к горлу. Я не очень учтив: из приличного надреза на шее у мужика течет кровь, моя правая рука шарит у него под пиджаком и находит жесткую рукоятку «Макарова», — так и хочется дать благой совет: хочешь носить «пушку», не скупись на портного.

Легонько тюкаю лидера рукояткой по затылку, приводя в состояние «гrogги», снимаю «пушку» с предохранителя и

приглашаю его друзей:

– На пол! – сопровождая просьбу красноречивым жестом.

Боковым зрением улавливаю какое-то движение – похоже, не все восприняли меня серьезно, но дабы не повторять ошибок верзилы, по-прежнему отдыхающего на полу, сначала стреляю, потом анализирую реакцию. Вскрик! – непослушный роняет внушительный самопал и падает следом: похоже, пуля раздробила ему кисть руки, у парня болевой шок.

Вроде поняли, что шутить я не намерен. Так что сажусь тихонько в уголок и наблюдаю за «подзащитными». Насчет того, что в милицию уже сообщено, не сомневаюсь, – или я ничего не понимаю в метрдотелях, официантах и оперативной работе «угро».

«Коляска» подкатила через пару минут. Городок-то небольшой.

Ствол укороченного «акаэма», собака – все как полагается. Я же сижу пайнкой – «пушка» на другом конце стола, стволом ко мне, обойма – рядом, руки на столе – ладонями вниз. Подъезжают еще две машины – тормозят лихо, с визгом.

Появляется Кузьмич – в белоснежной форменной рубашке, заправленной в брюки. У Кузьмича два бзи-ка: по три раза на день менять сорочки (он предпочитает белые) и не носить положенного по форме головного убора – наверное, чтобы не отдавать чести никакому начальству. Тогда погоны на его плечах были еще майорские.

С полминуты он стоит в дверях, оглядывая зал: оценка ситуации. Потом обращается к старлею:

– Ты это... чтобы все по форме.

– Есть, – козыряет старлей.

А Кузьмич направляется ко мне. Сгрэбает со стола пистолет, обойму, и они исчезают в безразмерных карманах штанов, похожих больше на казацкие шаровары.

Берет стул и садится напротив.

За его спиной уже работают. Парнишки закованы в «кандалы» – руки назад, без баловства, – одного за другим их уводят. Оперативники в штатском занимаются свидетелями. И тут я вижу девушку – длинные каштановые волосы, легкое платьице до колен. Где были мои глаза! Мысль, что она со спутником, приходит в голову позже...

– Ты это... документы... – выводит меня из мечтательности голос Кузьмича.

– С собой нет. Дома.

– Где – дома?

– Здесь, в Приморске.

– Ты местный?

– Наполовину. Домик купил.

– Где?

– На Зеленой.

– У Асланбея?

– Да.

– Не похож ты на шахтера.

– Шахтер дом купил, я – летний домик. На самом берегу.

– А-а. Фамилия?

– Дронов. Олег Владимирович.

– По профессии кто? Хотел бы я сам это знать!

– Преподаватель. – (Ну не моряк же!) Кузьмич усмехается, достает из кармана портсигар, оттуда – окурок сигары, прикуривает, пыхает ароматным дымом.

– Поехали. Только ты это... Без баловства. Майору я, видимо, понравился.

Поскольку в райотдел меня доставили на его «уазике» (он спереди, а я – с сержантом и собакой – сзади, в клетке), наручников не надевали. Ну а я никогда и не считал, что выгляжу уркой. Заходим в дежурку.

– Ты это...

А я уже выкладываю на стол: деньги, ключи, сигареты, зажигалку. Все. Ни наркотиков, ни ампул с ядом.

Майор смотрит на ключи, потом на меня. Похоже, симпатия у нас взаимная.

Пододвигаю к нему ключи:

– Только документы у Степана Тимофеевича, в доме. Я тут третий день всего, дверь на соплях.

– Сам из Москвы?

– Да.

– Посиди с дежурным. Адрес, родственники... Я это... Матвеев!

– Я!

- Ты это... Займись гражданином. Чтобы все по форме.
- Есть!
- И «пальчики» не забудь. – Глядя на меня, пояснил:
- Для порядку.
- Я это... – произношу в тон Кузьмичу.
- Чего?
- Сигареты.
- Кури.

В два ночи сержант препроводил меня в отдельный «номер» и удалился, щелкнув замком.

Судя по тому, что Кузьмич не торопился меня навестить, либо он не исповедовал принцип «куй железо, пока горячо», либо я вовсе не железо, а фанерка для этого сыскного волка, а он сейчас «колет» стальных парней, взятых в кабаке «на шару». Убаюканный этим прозорливым видением, я уснул. И видел во сне девушку из ресторана. Только безо всякого платья – выходящую из моря. Обнаженной.

Я проснулся от скрежета ключа в замке и, когда дверь отворилась, был уже бодр и свеж, как голодная черноморская кефаль. Вот только со стороны заметить это было сложно.

– Дронов, на выход!

Кузьмич встретил меня в кабинете, чисто выбритый, в свежей сорочке, сияя золотом погон. Вкусно пахло кофе и сигарами.

На небольшом столе у окна стоял компьютер. Я бросил взгляд на экран – и увидел набранный текст.

– Галя, зайди, – сказал Кузьмич в селектор.

Вошла женщина лет тридцати в лейтенантских погонах.

– Прибери-ка это хозяйство! – Кузьмин кивнул на компьютер.

– А сам чего? – норовисто возразила дама.

– Прибери, я сказал!

– Пожалуйста! – Женщина нажала пару клавиш, вынула дискету. – В сейф?

– Ага. – Кузьмин звякнул ключами, и они исчезли в его безразмерных штанах.

Лейтенантша пошла к двери, соблазнительно двигая крепкими ягодицами, туго обтянутыми форменной юбкой. Мы проводили ее взглядами.

– От, бабы!.. – вроде в сердцах произнес Кузьмич, возвращаясь в привычный образ «камаринского мужика». Судя по всему, своих «внеслужебных» отношений лейтенантша и майор не скрывали. И в «мужика» это вписывалось. А компьютер – не вписывался. Ладно. Разберемся.

– Кофейку?

– Ага. И бутерброд.

Кузьмич достал огромную чашку, кипяtilьник, растворимый кофе, сахар.

Пододвинул все это мне вместе с графином:

– По вкусу.

Потом воровато оглянулся на дверь и извлек из шкафа громадный трехэтажный сандвич – с жареным мясом, луком,

салом, помидорами и Бог знает с чем еще. К такому не кофе, к такому горилка с перцем в самый раз. Лейтенантше такого не сотворить – не та фактура, или, по-научному, не то видение жизни.

– Гарно зроблено, – ввернул я по-украински.

– Атож.

Кузьмич подождал, пока я насыщался, деликатно прихлебывая пустой кофеек.

Потом сказал:

– Рассказывай.

Я изложил свою версию событий. Кузьмич кивал.

Раскладку на меня он, надо думать, уже получил. Умный, русский, беспартийный, в меру пьющий, разведен. Хорошая считалочка получается. Дальше: не был, не состоял, не привлекался, не участвовал, не служил (что и подтверждается военным билетом, согласно которому я рядовой, состав – солдаты, не служил). О том, как я бороздил просторы Мирового океана, знает такой узкий круг ограниченных лиц, что ограниченнее не бывает. Я не прохожу ни в одном компьютере ни одного ведомства; правда, это не значит, что какой-нибудь ретивец на свой страх и риск не завел на меня папочку, – но что в ней? Слезы... Все «бумаги» вместе с дорогой моему сердцу формой и кортиком укрыты в нескораемом ящике, который сам спалит в прах собственные внутренности, ежели к нему намылится любой другой человек, кроме единственного имеющего доступ.

Ну а трудовой стаж – в зеленой книжице, как у прочих трудящихся. К тому же я – кандидат наук. Исторических. Это – без балды. Может, теперь, пока не у дел, докторскую тиснуть? В свете новых веяний, так сказать... О войне Украины с Турцией за Крым, к примеру! Что докторская – национальным академиком стану, на серебре есть буду, на золоте пить, и мое славное имя на скрижалях или где там еще...

– Учитель, говоришь?

– Преподаватель, – скромно поправляю я. Называть себя ученым еще не привык – несмотря на большие творческие планы.

– А где так драться научился?

– На секцию бокса ходил. В детстве. Первый разряд, – застенчиво произношу.

И еще более застенчиво добавляю; – Юношеский.

– И стрелять там же, на секции?

– Случайно. С перепугу.

– Ты это... Знаешь, кого повязал? С перепугу-то?

– Кого?

– Григорий Голубенников, кличка – Сивый. Он же – Тесак.

Кузьмич пристально наблюдает за мной, стараясь заметить реакцию. А реакции – никакой. Здесь он профессионал, не я. Ни фамилия, ни клички мне ничего не говорят. Пожимаю плечами.

– Ну-ну, пре-по-да-ва-тель, Они-то уверены, что ты – под-

садка. Причем профессионал.

– А-а-а... – тяну неопределенно. И думаю, каково на моем месте было бы оказаться действительно историку, какому-нибудь специалисту по поливной керамике или иконописи тринадцатого века. Не, по-моему, я все сделал правильно. – А девицы? – меняю тему. – Это ж ходячий триппер в юбке, прямая угроза отдыхающим трудящимся!

– Разберемся. – Кузьмич вытаскивает из стола мои документы и подаст мне. – А что до трудящихся, то постоянную бабу надо иметь. И – никакого триппера.

– Одну? – невинно интересуюсь я.

– Выметайся, доцент.

– Старший преподаватель.

– Ну-ну.

Уже подхожу к двери.

– Ты это...

– Да?

– Зачем приехал-то?

– Отдохнуть.

– Вот и отдыхай.

– Ага.

Глава 6

Выхожу из управы, вдыхаю ароматы южного сентябрьского утра и размышляю, с чего бы начать вот это самое: отдых. Вчерашняя попытка отдохнуть накрылась медным тазом – зато повеселились. Особливо присутствовавшие отдыхающие. По мне «бархатосезонникам» для тонуса не хватает как раз острых ощущений. Вино, девки, азартные игры – все это они имеют круглый год. Даже наживание денег со временем теряет аромат новизны. Два вида спорта не приедаются: борьба за жизнь и борьба за власть. Для многих это одно и то же. И даже если сама персона не участвует в игре – азарт болельщика доставляет удовольствия куда большее, чем рулетка.

Рядом тормозит дымчатый «трехсотый» «мере», открывается дверца:

– Э-эй!

За рулем сидит мое давешнее ночное видение. Девушка из ресторана.

Разумеется, одетая. Стильно. А жаль.

– Привет, – неуверенно улыбаюсь я и делаю ручкой. Надо полагать, из-за врожденного целомудрия. И жест мой похож одновременно на «прощание славянки» и «у нас не все дома».

– Садитесь, подвезу, – приглашает девушка. Опускаюсь

в прохладу кондиционированного салона. Пахнет дорогими духами, кожей кресел, хорошим табаком. Странный я – ну не килькой же в томате здесь должно пахнуть!

– Куда вас подбросить?

«К небесам!» – единственное, что пришло на ум. Девушка повернулась ко мне, и я заметил, что она не просто красива – она незаурядно, изысканно красива!

Густо-щис длинные каштановые волосы, глаза цвета глубокого моря – темно-зеленые и переменчивые. Высокие скулы, чуть восточный разрез глаз, правильный изящный нос и припухшие губы искушенной любовницы... Если она желала мне понравиться, то ей это удалось!

– Извините, я не представилась, меня зовут Элли. «Элли» – музыкой запело в ушах. «Элли...» Да и как ее еще-то могли звать? Ну конечно, Элли!

– А я – Дрон.

– Это что, имя?

– Нет, это профессия. А имя – Олег.

– Дрон... А,! Птица Додо! Меня вообще-то тоже зовут Лена, или Лека. Но ведь Элли – красивее, правда?

– Замечательно, – с энтузиазмом киваю я, разглядывая ее изумительные загорелые ножки.

– Дрон, прекрати так глазеть. – На «ты» она переходит легко, и моя преподавательско-кандидатская душа переполняется тщеславием, наверное, принимает за ровесника.

– Так куда поедем? – спрашивает девушка.

– В Изумрудный город, это ж ежу понятно!

– Как скажете! – И машина трогается с места. Элли нажимает какую-то кнопку, и в салоне звучит музыка. Я закуриваю, закрываю глаза и откидываюсь на спинку.

Музыка расслабляет. А я представил, как приятно было бы заняться любовью прямо здесь, в машине, которая по размерам чуть меньше, а по комфортабельности много больше моей холостяцкой коммуналки. Разумеется, под музыку поживее...

– Прикури мне, – просит девушка, и я окончательно убеждаюсь, что происходящее не продолжение сна и мне не придется снова услышать: «Дронов, на выход». Хотя как знать...

Прикуриваю для нее «Мальборо» с ментолом из ее же пачки. Девушка затягивается:

– Дрон, а тебе не страшно было? В своих эротических грезах я отлетел далеко, поэтому не сразу понимаю, о чем она.

– Когда?

– Вчера. В ресторане.

– Страшно?..

– Ну да. Ты боялся?

Интересно, почему я сам об этом никогда не задумывался. Страшно? Нет, не то. Было неприятно, тоскливо – и оттого, что вечер сыпался, и еще Бог знает от чего. Потом – омерзение. Потом – злость. Потом – грусть. А потом уже нужно было действовать...

– Нет. – Но они же могли тебя убить. Или – чего похуже.

– Да?

– Ну, издевались бы... Ведь никто бы не вступился.

– И правильно. Не должны нормальные люди лезть на ножи и стволы.

– Но ты же полез?

– Меня оскорбили.

– Подумаешь, разжевал бы и выплюнул.

– Так можно проплевать все.

– Слушай, а если бы обидели не тебя, а кого-то другого ты бы тоже полез?

– Да.

– Почему?

– Я умею драться.

– А если бы не умел?

– По обстоятельствам.

– Что значит...

– Позвонил бы в милицию.

– Веришь во всесилие закона?

– Не всегда. Но это лучше, чем не сделать ничего. И много лучше, чем налететь на нож, никого не умея уберечь – ни себя, ни других. Это я без балды.

– Значит, я поступила правильно.

– Да?

– Это я вызвала милицию. По автомату.

– А твой спутник?

– Да ну его.

– А сегодня ждала меня на входе?

– Вот еще. Просто позвонила и спросила, когда ты освободишься.

– У кого?

– У Кузьмича. – Так ты его знаешь?

– А кто его здесь не знает?

– Ну да, мужик он простой, – лукавлю я.

– Простой. Как сибирский валенок с программным управлением и вертикальным взлетом.

Машина набрала скорость, – мы выехали из города.

– Почему ты меня не спрашиваешь?

– О чем?

– Тебя что, девушки всегда встречают из милиции? После драк?

– Ага. Только с чайными розами и на «кадиллаках».

– Все ясно. Ты – балабол. А серьезно?

А серьезно-я никогда ни о чем девушек не спрашиваю. То, что они хотят рассказать, они расскажут сами, а то, о чем не хотят, – выпрашивать бесполезно.

Наврут. Вернее – нафантазируют.

– Боюсь скоро состариться.

– Хочешь жить долго?

– Всегда. Хочу жить всегда.

– Ты как ребенок: «Пусть всегда буду я!» А мы почти приехали.

Машина остановилась у железных ворот. Лека приветли-

во помахала охраннику, и ворота отъехали в сторону. Мы покатали мимо небольших трехэтажных особнячков, скрытых за деревьями.

– Это что? – спрашиваю я.

– Территория.

– Территория чего?

– Ничего. Просто Территория. Ты что, никогда не слышал?

– Пока нет.

– В Приморске все знают.

– Я здесь четвертый день.

– А-а-а. Тогда понятно.

Мы проезжаем еще одни ворота. Тоже с охранником. Дорога пошла под уклон, к морю.

– Это вроде дома отдыха. Но – для очень важных персон.

– Так ты – персона?

– Нет. Я дочь персоны.

То, что персона важная, я понимаю и сам, когда вижу двухэтажный домик-особняк. Но мы едем дальше, пока не останавливаемся у небольшого одноэтажного бунгало на берегу моря. Небольшой – это относительно. На крыше – садик, самый настоящий, и множество цветов.

– Здесь живу я, – говорит Лека. – А папа, когда приезжает, в большом доме.

Но там прислуга, а я их терпеть не могу – наушники.

– Работа у них такая.

– Но стараться-то не обязательно. Ну что, нравится?

– Роскошно, – пожимаю я плечами.

– Слушай, пойдем купаться? Или сначала позавтракаем?

– Совместим. Если, конечно, здесь найдутся две корочки хлеба.

– Найдутся.

Нашлись хлеб, салями, холодная телятина, фрукты, две бутылки белого полусухого... О том, что еще хранилось в финских холодильниках размером с небольшие рефрижераторы, спросить мне не позволила скромность.

День покатил. Полуденное солнце оказалось ласковым и нежгучим, море – достаточно теплым. И мы с Лекой заплывали так далеко, что ее холостяцкий домик казался меньше спичечной коробки.

Вечер наступил быстрее, чем я хотел. Просто потому, что заснул. А когда проснулся, Лека стояла рядом. Вечерняя и загадочная. И когда я вышел из душа, голодный, как сто волков, на столике возле кресла дымился огромный ростбиф, в кувшине мерцало красное вино, за огромным, во всю стену, окном устало дышало море.

И – горел камин.

– Ешь, – сказала она.

– А ты?

– Я не голодна.

Голос ее был чуть с хрипотцой, глаза блестели.

– Знаешь, почему ты здесь?

– Ага. Я тебе понравился.

– Нет.

– Не понравился?

– Конечно, понравился. Но ты здесь не потому.

– А почему?

– Ты —. Потому что свободен. Потому что... Потому что я влюбилась в тебя.

– Любовь с первого взгляда?.. – брякнул я.

– А какая она бывает еще? – просто сказала Лека. На столике остался лишь коньяк в хрустальном графине. Она налила, пригубила и передала мне.

– Я тебе нравлюсь?

– Ты изумительна...

– Я хочу тебе нравиться... Сиди.

Девушка сделала музыку чуть громче и начала танцевать, играя подолом легкого платья. Танец становился все раскованнее, ритм нарастал, и она подчинялась ему. Трусики и платье остались лежать на ковре, Лека замерла передо мной, одним движением сбросила сорочку... Нагая, в серебряных туфельках, она стояла, широко расставив ноги, прикусив губу и глядя мне в глаза... Сделала шаг вперед, еще... Я обнял ее бедра, притянул к себе.

– Ты хочешь меня? – Голос ее был чуть слышен.

– Хочу.

– Бери.

Солнце утонуло в море, сделав небо сиреневым. Ночь

только начиналась...

У Леки я провел три дня. Похоже, Территорию не зря величали с заглавной буквы. Если и есть на земле Эдем, то это здесь. Ни войн, ни катаклизмов, ни бурь, как сказал поэт. И что вопреку объявится – тоже вряд ли: охрана.

Мы купались. Набрали мидий, пекли их на углях и ели, запивая белым вином.

Ночью жгли костер, пекли картошку и пели пионерские песни (пел я один, Лека внимала: детство у нас было разным по босоногости). «Выходили в свет»: играли в пинг-понг и бильярд, ужинали в кабаке на Территории же, но в местах рангом пониже; здесь я вел ученый разговор с историком, развенчавшим (согласно поступившим указаниям) былых кумиров; с экономистом, одним из авторов «экономной экономики», а теперь «советником по существенным вопросам» очень важной персоны; с секретным химиком с лицом изможденного онаниста, провожавшего взглядом каждую юбку; с вальяжным бизнесменом лет сорока пяти, зачесанным а-ля Джек Николсон и с лицом долларового цвета – зеленое с серым; вечера он отбывал как нудноватую повинность, чтобы ночь провести за преферансом, причем оставался в непременном выигрыше... Девочки его не интересовали вовсе, хотя посмотреть здесь было на что.

Короче, понятно без дураков, почему Лека слиняла отсюда в Приморск скоротать вечерок.

Были здесь и действительно важные персоны, но они про-

водили дни в уединенных особнячках: плавали, удили рыбу, читали Достоевского, Толстого, Тургенева. Нарушать их уединение мы сочли нетактичным. Да нам и не нужно было ничьего общества. В свободное от развлечений время мы занимались любовью.

Вечером третьего дня зазвонил телефон. Лека, обнаженная, стояла у аппарата и кивала с видом примерной ученицы. Я любовался ею.

– Мне нужно в Москву, – просто сказала она. – Самолет через два часа.

– Я тебя довезу?

– Не надо. Здесь есть на такой случай «разгонные» «волги». И еще – терпеть не могу вокзальных провожаний.

– Ты надолго?

– Не знаю.

– Может, чем-то помочь?

– Пока нечем. – Она улыбнулась. – Да я тебя разыщу.

– А как я разыщу тебя?

– Ты этого хочешь?

– Да.

– Очень просто. Позвони, – спроси Элли. Или Леку. Это все, она назвала номер, – я.

– А я – Дрон.

– Наконец-то познакомились.

– И подружились.

– Не расстраивайся, Дрон, я сама расстроена. Может, это

ненадолго...

– Ага.

– Выпьем кофе?

– Да. И – кальвадоса.

– Хочешь остаться здесь?

– Без тебя? Нет.

– Тогда обойдешься кофе. Ты уже прилично выпил сегодня. Еще машину вести.

– Машину?

– Ну да. Не пешком же ты в город пойдешь. Возьмешь «мере».

– Может, попуткой?

– Зачем? Оставишь у горсовета. Я попрошу, утром заберут. Знаешь, возьми кальвадос с собой.

– Зачем?

– Выпьешь дома. Роняя в стакан слезу. Скупую мужскую. Лека обняла меня, поцеловала.

– Ну, езжай. А я поплачу.

– Лека?

– Что?

– Возвращайся скорее.

– Ага.

– До встречи.

– Пока. Езжай. На пропускные я позвоню.

«Мере» сорвался с места. Фигурка девушки уменьшилась и пропала за поворотом.

Я гнал машину как ненормальный. Любовь с первого взгляда... А какая она бывает еще?.. Оставив машину у гор-совета, пошел домой пешком. Через центр. Похоже, я не оставил без внимания ни одного питейного заведения, работавшего в этот час в городке. И брел в свою хижину уже глубокой ночью, держа в одной руке початую бутылку кальвадоса и время от времени к ней прикладываясь, закусывая, чем Бог послал: алычой, сливами и, видимо, листьями с придорожных деревьев.

Машины я заметил сразу и инстинктивно отступил к краю улицы, в деревья, в тень. Она остановилась метрах в десяти. Фары погасли, открылась дверца, в салоне зажегся свет. Пассажир сказал несколько слов водителю, вышел и скрылся в доме.

Завелся мотор, машина проехала в полуметре от меня, свернула за угол и исчезла.

Протрезвел я разом. Водителем был Кузьмич. В неизменной белой сорочке, но без погон. Пассажира я тоже узнал. Рука у него была на перевязи и прострелил ее не кто иной, как я. Три вечера назад. Или – три года?..

До своего сарайчика я так и не добрался. Перепутал улочки, вышел к морю. И уснул на куче морской травы, под мерные вздохи волн, под мерцающим южным небом.

Во сне я видел Леку.

Глава 7

Похоже, я опьянел. И пока челюсти работают автоматически, память и воображение, как две дикие кошки, гуляют сами по себе. Или нет: память – это, скорее, дом, куда мы возвращаемся, когда нам невесело. Вернее даже, совсем грустно.

Ну а воображение почему-то считают лошадыю. С крыльями. Пегасом, значит.

Интересно, кто первый придумал такой символ? Я-то полагаю, сначала вместо лошади был осел. Тощий и жалкий: потому что жевал бумагу вместо положенного овса. Ну а до лошади его повысили уже потом. И крылья приделали. По политическим соображениям.

Шуршу оберткой и принимаюсь за шоколад.

Почему же я все-таки вспомнил Леку?

Она так и не появилась. Ни через неделю, ни через месяц. Полученный от нее московский телефон молчал. Его не было ни в одном справочнике. Ну а применять свои дедуктивные способности для поисков девушки, которая, может быть, вовсе не хочет никакой новой встречи, я не стал. Хотя, может, и зря.

Ну так почему же я ее вспомнил сейчас? Из-за Кузьмича? Нет, не только...

Вскидываю руку и смотрю на часы. Мой холостяцкий

ужин затянулся аж на двенадцать минут. Три минуты покурить, останется двадцать пять.. — . Успеем добежать до ка-надской границы?

Делаю ручкой кавказцу:

– Спасибо, генацвале.

– Заходи, дарагой...

Зайду, но не скоро.

Гуляющей походкой иду по «лесенке», заглядываю в переулочек. Пусто. Иду дальше.

Сигарета истлевает вместе с сэкономленными минутами. Что делать с «бычком»?

Лучше всего съесть вместе с фильтром. Ел же Ленин чернильницы для конспирации!

Ну, мужичонка, ну, сволочь... Не сомневаюсь, что подобранные «санитаром»

«бычки» опер обнаружил в пепельнице «росинанта». Для полноты картины и завершенности художественного замысла. Интересно, на бутылку-то хоть этот собирала получил? Надо думать... Ладно, каждый зарабатывает как умеет. Проехали.

В следующем переулочке нахожу то, что искал. «Колеса». Целых три. «Запорожец» отмечаю по маломощности, поношенную праворулевою «тойоту» – по патриотическим соображениям. А вот кофейная двадцать первая «волжанка» будит во мне целый сонм ностальгических воспоминаний; когда-то на таком вот такси бабушка объезжала со мной пол-

Москвы. За три рубля.

С замком справляюсь легко. Сирену хозяин не предусмотрел, волчий капкан – тоже. Хоть это отрадно: обойдемся без шума.

– Ах ты, бля-я! – Мужик вынырнул невесть из какого подвала – судя по лицу, питейного. Подогреваемый вином и чувством попранной справедливости, он несется прямо на меня. Мужик здоровый и плотный, пудов на шесть с лишком: если он до меня добежит, придется туго. И время потеряю. Подпрыгиваю, опираясь о бампер, и выбрасываю вперед ногу. Мужик словно налетел на бетонный столб: замер и рухнул. Достая из кармана его пиджака ключи, хлопаю дверцей... Отъезжая, гляжу в зеркальце на распростертое тело и вспоминаю: такое со мной уже было... Ощущение – как во сне.

Но было это всего несколько часов назад, и стояла смертельная жара...

Впрочем, к моим грехам угон очередного транспортного средства уже ничего не прибавит, как и злостное хулиганство. Качу по улице на предельной скорости, стараясь лишь не наехать на отдыхающих. Они недоуменно смотрят мне вслед и, надо полагать, думают: пьяный. Правильно думают.

Торможу у почтамта. Влетаю внутрь – ага, переговорный пункт. Народу, как яиц в инкубаторе. Очередь в кассу за жетонами. Очередь к телефонам.

Вламываюсь в ближайшую кабинку, нажимаю «отбой».

– Да что вы себе... – Лысый пузатый мужичок в бле-

стоящем спортивном костюме, кроссовках и очках в золотой оправе. Этаким бухгалтер, для которого в связи с новыми веяниями воровство стало профессией. Стильная куртка распахнута, на поросшей седым волосом груди – массивная золотая цепь.

– Братан, позвонить – во... жена рожает... в самолете...

Не знаю, что его больше убедило: мой коньячный перегар или десятка «зеленых», которую я вложил в его пухлую ручку и которая тут же исчезла как по волшебству.

Отбираю у него жетон и выпираю из кабинки, успевая сказать: «Время продли!»

Мужик семенит к кассе.

Мне бы кто время продлил!

Делаю два звонка. Коротких. Ажур.

Падаю на сиденье «волги» и смотрю на свой «Ситизен». Стоят. От потрясений.

Что же – и на Солнце бывают пятна.

Разворачиваюсь и еду прочь из центра. Мне нужно в мою хибарку. По пляжной кольцевой – быстрее. 5 °Скорость хорошая. Похоже, хозяин сменил движок на новый. Наверное, уже оклемался. Ладно, будет время, извинюсь. С напитками и закусками.

Меня нагоняет белый «жигуленок». Прибавляю. Нагоняет. Равняемся – идет на обгон. В салоне – шумная компания кавказцев. Музыка. Крики на непонятном языке.

Хлопок – вжимаюсь в сиденье, нет, это действительно

пробка от шампанского.

Мнительный ты стал, Сидор, ох, мнительный...

Кавказцы подкрепляются вином, чуть отстают, снова нагоняют. Пошли на обгон.

Только спортивных достижений в скорости мне не хватало. Может, они и хорошие ребята... Ну да береженого Бог бережет.

«Жигуленок» поравнялся со мной, выворачиваю руль слева и ударяю бортом.

«Двадцать первая» супротив «шестерки» – танк! Белая машина плавно слетает с шоссе и утыкается носом в кювет. Благо, он здесь не глубокий.

Похоже, больше любителей гонок на трассе нет. По показателю спуска подъезжаю к самому морю, сворачиваю и загоняю «телегу» под естественный глинистый обрыв.

Сверху заметить машину сложно, да к тому же скоро стемнеет.

Взбираюсь по самодельной лесенке, прокопанной и укрепленной деревянными свайками местными жителями. Турист или отдыхающий сюда не попрется: берег усыпан камешками и створками ракушек, да и море мутное от водорослей. Зато целебное.

До моей хижины отсюда метров триста. Начинает темнеть. Времени не осталось вовсе. Поэтому прогулочному шагу предпочитаю марш-бросок. Осматриваюсь. Тихо.

Прячусь в кустах и замираю. Становлюсь деревом, кам-

нем, частью природы.

Кроме зрения и слуха у человека масса возможностей общаться с окружающей средой. Мы же используем из невероятного числа рецепторов лишь немногие, и то по-варварски. Вкусовые – чтобы отличать водку от портвейна, обонятельные – чтобы уловить разницу между «шипром» и копченой рыбой, ну и вся названная гамма плюс спецэффекты – при занятиях любовью.

Расслабившись и закрыв глаза, я начинаю чувствовать окружающее нервными окончаниями на пояснице, кожей лба, щек, век. Если поблизости посторонний, организм реагирует выделением адреналина, появится чувство опасности.

Похоже – чисто.

Легонько ступаю к дому, пробираюсь к углу. От чужих взглядов скрывают кусты дикой алычи.

Осторожно ударяю крайний угловой камень черенком лежащей здесь проржавевшей лопаты. Еще. Камень чуть поддается, я сдвигаю его и кладу на землю.

Здесь у меня – тайник. Немудреный, конечно, но лучше, чем никакого.

Извлекаю сначала щебенку (при простом простукивании тайник не найти), затем – нужные мне причиндалы.

Разворачиваю толстую суконную ткань, затем промасленную тряпочку. Револьвер системы «наган», офицерский самовзвод, легкий и надежный. Произвели его в 1938 году, но в

деле он так и не был. «Законсервированный» на случай, надо полагать, войны «с империалистическими хищниками», он отдыхал вначале на военном складе, потом на складе безвестного ВОХРа, потом на складе боевиков на дальней окраине тогда еще эсэсэсэ-ра. Боевиков мы повязали в буквальном смысле теплыми – обкутившимися анаши и подогретыми «реквизированным» в тамошней больнице морфием.

Оружия были груды. Понятно, бронетранспортер, станковые и ручные пулеметы – все сдали по описи. А наган из фабрично упакованного ящика я заныкал. Впрочем, не я один. Командир отнесся к данному факту правильно. То есть – глядел в другую сторону. Да и вообще, имеет человек право на маленький сувенир с места работы?

Пристрелял я его в подмосковном лесу позапрошлой зимой. Собираю револьвер.

Заряжаю. Надеваю на себя «сбрую». Из шахтерского дома звучит музыка. «Ю-а ин зе ами нау, ю-а ин зе ами...» – «Ты сейчас в армии». Музыка в тему. Тимофеичев шестнадцатилетний отпрыск Серега двинулся на Клоде ван Дамме, черных беретах и прочей тужете. В жару потеет в пятнистом хэбэ, гоняет на страшного вида мотоцикле и дома калечит себе руки о доски, мешки с песком и кирпичи. Музон у него соответственный. Впрочем, из парня и толк может выйти. Любые способности-штука обоюдоострая, смотря как применять. Вернее – для чего.

А я продолжаю сборы. В ножны на «сбруе» цепляю мас-

сивный нож отличной стали, больше похожий на короткий дакский меч, но с пилочкой с одной стороны.

Оружие ломовое, скорее – психологическое: увидит какой громила и примет за своего. Все остальные должны, по идее, обмирать с испуга. Впрочем, посмотрев, как владеют холодным оружием восточные люди, я понял, что моего умения хватит лишь лучину колоть.

Два небольших, абсолютно плоских метательных ножа прикрепляю: один к ноге, другой – на спину. Стиллет – на левую руку. Всякие мелочи: набор универсальных отмычек, запалы (это если замок попадется прошловековой: на совесть работали предки!), ампулки с нервно-паралитическим газом кратковременного действия, ампулки со снотворным газом, порошки снотворные и таблетки, позволяющие бодро обходиться без сна, еды и отдыха несколько суток. Наконец извлекаю сверток с одеждой – широкие удобные брюки, модная темная сорочка, сверху – просторная куртка, под которой и скрывается вся амуниция. Последний штрих: шнурованные ботинки на натуральной каучуковой подошве – в таких хорошо ходить по вертикальным стенам – и, конечно, галстук. Я еще не забыл, что приглашен к даме.

На чашку кофе и что-то покрепче. На это «покрепче» я напросился сам.

Как там в анекдоте? «Забайкальский военный округ к войне готов!» Только кто мне ее объявил и почему – нужно сначала выяснить.

А в Отделе самым популярным анекдотом был такой:

«Товарищ прапорщик, а что такое диалектика?» – «Ну как тебе объяснить, рядовой Кузькин? Вот видишь: дом. Сам серый, а крыша красная... Вот так и человек: живет-живет и умирает».

На то она и диалектика...

Сколько поколений воспитывали на мертвечине – да так и не воспитали.

«Смерть пионерки»... «На широкой площади убивали нас»... Тоже мне геройство: умереть. Терпеть не могу оптимистических трагедий. Это нужно Додуматься: жизнеутверждающе погибнуть! Дабы брали пример. Кто? Самоубийцы?

У наших ребят девиз проще: победи и останься живым! Останься живым – и ПОБЕДИ!

Все. Время вышло.

Залаял Джабдет – Тимофеичева дворняга размером с волка-переростка. К домику метнулись тени – на машине сюда не проехать.

Пригнувшись, пробегаю три десятка шагов до обрыва и лечу вниз. Обрыв покатый – переступаю, лечу снова, переступаю – и уже качусь через голову, пока не замираю на галечном пляжике.

Приземлился удачно. Ребра, лицо – в порядке. Вот только прическа – в таком виде, поручик, к даме...

Зато – бутылка цела. Отличный коньяк, родного разлива. Вес в лучших традициях древних: купил, налил, соблазнил.

Вот только до дамы еще добраться нужно, — похожа машиной кофейного цвета мне уже пользоваться не стоит. Поэтому — бегу в противоположную сторону. Шлепай по воде — на берегу много камней.

А вообще — хорошо. Небо — звездное, воздух — морской, значит, целебный. Где еще здоровья понабраться когда как не теперь! И думается хорошо.

Итак — убит председатель горсовета Валентин Сергеевич Круглов. Пулей в голову. С близкого расстояния. Человеком, которого он хорошо знал. Убит в то время, когда я в соседнем скверике пробавлялся портвешком в укромном уголке.

Настолько укромном, что меня никто не видел, кроме упомянутого «санитара сквера».

Санитар. Действительно человек случайный — подобрал у меня бутылочку и передал за мзду в руки лица заинтересованного или из той же компании? Ведь если случайный, его тоже «шлепать» нужно — как-никак свидетель, мое единственное алиби (шаткое в прямом смысле), и видевший человека, которому передал бутылку...

Или не видевший? Просто оставил в условленном месте, в урне, например. Но ведь был же заказчик, кто-то же поручил собирало подойти ко мне. И если на следствии или на суде...

Стоп. Похоже, морской воздух крутит мне мозги похлеще

смазливой вертихвостки. Какой суд, какое следствие! Меня просто пристрелят при задержании – и вся недолга.

За Валентина Сергеевича Круглова – это как знать, а вот за Ральфа – точно.

Наш покойный мэр был многостаночником. Почасовиком. Подрабатывал. Причем – мэром. Основным его занятием было – руководство приморской мафией. Слово нехорошее, итальянское, малопонятное и, в конце концов, просто неточное для наших условий. Не соответствует реалиям, как выражался последний генсек.

Скажем так: Ральф контролировал криминогенную обстановку в городе, используя как легитимные (законные), так и криминальные (незаконные) методы.

Хорошо сказано, по-научному. Покончу с этим дельцем – как пить дать сяду за докторскую. На серебре есть буду, на золоте пить, на заслуженной артистке спать... Ежели раньше не покончат со мной.

Вариант первый: кто-то из «ральфовых птенцов» возомнил себя орлом, решил открутить пахану шею и воспарить самому во власти и славе. Может быть, но маловероятно:

Ральф был мужик крутой и умный, загодя заметил бы разброд в рядах и придушил птенца так, что тот бы и чирикнуть не успел. Но с кем-то он сидел в машине, причем дружественно, и охрана рядом не маячила – значит, ничего не опасался.

Вариант второй: пришлая группировка. В последнее вре-

мя окраины городка застроились чуть не мраморными виллами, однако среди владельцев – народных академиков и летчиков-космонавтов, как у меня ушей на подбородке... Возможно, Ральф на кого-то накатиł чересчур круто, не по чину, возможно, у приезжих слюни потекли от одного взгляда на корыто, из которого хлебал сам мэр и его присные.

Короче, пришлые перекупили взорлившего Ральфова птенца (дурашка, кончат его; много знает, да и кому нужны предатели) и с его помощью порешили шефа.

И при первом, и при втором варианте я – козлик отпущения, ибо темная лошадка. Или, кому как нравится. На меня вешают всех кошек и топят вместе с ними: концы в воду. Поганая, надо сказать, перспектива.

Теперь Кузьмич. Как он сказал? «Доигрался». То, что Кузьмич знал о внепарламентской деятельности Валентина Сергеевича, – факт. Самое смешное, знали почти все в Приморске. И тут парадокс – уже не, криминальный, а по жизни. Чем сильнее и дисциплинированнее мафия в городе – тем меньше преступность. Не какая-то там бумажная, «организованная», а самая что ни на есть бандитско-хулиганская.

Курортный городок живет по своим законам. Сюда люди отдыхать ездят. Среди отдыхающих преобладают индивидуумы, просаживающие большей частью все же трудовые доходы. Один любит арбуз, а другой – свиной хрящик. Один получает кайф от потения на пляже, Чсйза, игры в «дурака» и полкило персиков перед сном. Другому нужно накушаться

коньячком, причем ежедневно и до соплей – и непременно в культурном обществе. Третьему нужны девки: худые, полные, блондинки, брюнетки, вульгарные, интеллектуальные – всякие. Четвертому... Короче – о вкусах или хорошо, или ничего.

И всех нужно обслужить. Ну а тем – деньги плочены кушать надо.

Ральф и его ребята очень и очень материально заинтересованы в том, чтобы турист ходил в их рестораны, трахал их девок, пил их вино, смотрел их порно и снова трахал их девок. Покупал шмотки в их «комках», проигрывал «зеленые» в их казино, покупал того же Чейза на их лотках. Никакой хулиганствующей молодежи при таком раскладе на улицах Приморска не место. Разборки круты и скоры – безо всякого Уголовного кодекса и судебной волокиты.

Моральная сторона? Если совершеннолетняя девчушка решила стать проституткой, а не работницей рыбокомбината или учительницей начальных классов (впрочем, многие сочетают), то это ее личное, глубоко интимное счастье. И вина Ральфа сотоварищи в том, что учительши и инженерши зарабатывают меньше проституток, такая же, как вина Сталина в поражении Наполеона при Ватерлоо.

Что осталось? Ах да, рэкет. Назовем это проще – налоговая инспекция.

Действенная и без формальностей.

Требовать от постсоветского гражданина декларацию о

доходах – все одно, что у уличного кобеля Джабдета справку о прохождении теста на СПИД. Тем не менее налоги платят. Платят и налоги, и взятки налоговым инспекторам, и взятки работникам правоохраны. При этом не получая никакой защиты, никаких льгот, никаких финансовых привилегий и кредитов.

Ральф первым смекнул, какое это золотое дно. Набрав крепких и обученных ребят, он разогнал из Приморска всех мелких вымогателей и поставил дело на научную основу. Никаких трех шкур он с торговцев, лоточников, ко-миссионщиков, проституток и квартиросдатчиков не драл. Давал им развернуться и обустроиться.

Ибо четко понимал: десять процентов с миллиона – это куда больше, чем половина с пятнадцати тысяч.

Городок зацвел. На деньги, поступающие в городской бюджет, Ральф построил спортплощадки, оборудовал пляж и подумывал о переустройстве больницы, – пока в ней мог бесплатно излечиться только очень здоровый человек. Ну а на деньги из налога неофициального хорошо жил сам и давал жить другим. Суммы, видимо, были немаленькие: по слухам, Ральф на пару с директорами стал владельцем рыбоконсервного завода и трикотажной фабрики – двух самых крупных предприятий Приморска. О кабаках и прочих увеселительных заведениях и говорить нечего.

Короче, городские обыватели получали неплохой доход, крутились, кто как умел, платили установленное и имели

по смутным временам основное: уверенность в завтрашнем дне.

Подлого криминала мэр избегал. По-видимому, кто-то из его подручных, совместно с пришлыми, решил избавиться от «чистюли»: этот кто-то разглядел в золотом корыте бриллиантовое двойное дно и соблазна не выдержал.

В связи с вышеизложенным, господа присяжные заседатели, у подсудимого возникают вопросы. Первое: если гонца за мной послал все-таки Ральф, то чего он от меня хотел? Отношения у нас сложились ровные, добрососедские (в одном городе все же жили, причем он – мэр), но не более того. Его щедрые предложения о возможной государственной службе и более комфортабельном жилье я отклонил; был у него на виду и следовал советам старших товарищей – отдыхал, си-речь бегал, плавал, встречался с красивыми девушками.

Мы питали друг к другу сдержанное уважение.

Возможно, он решил опереться на меня в критическую минуту, потому что никому не мог доверить собственной жизни? Все может быть. Жаль, у самого Ральфа уже не спросишь.

Второе: зачем ко мне в «жигуленок» подсели две красотки? Чье поручение они выполняли, и в чем оно?

Может, конечно, и случайность, но после картины «Мэр с пулей в переносице» и этюда «Сыщик, изучающий вещественное доказательство» в случайности мне верится слабо.

Третье: на чьей стороне Кузьмич?

От этого сакраментального вопроса, похоже, зависит моя жизнь. Вернее – от правильного ответа на него. То, что приморские мафиози узнают, чьи пальчики на бутылке, и без содействия Кузьмича, – козе понятно. Не. такой человек Ральф, чтобы не расставить людишек по нужным местам. Вопрос в другом: как скоро они это узнают.

И еще один – ждать ли мне пули только от верных соратников мэра и его «доброжелателей» или еще и от милиции – даже без оказания сопротивления при аресте? Уф! Вроде все. Господа присяжные, осталось риторическое. «А судьи кто?» Не знаете? Вот и я тоже. А очень хочется.

На бегу действительно хорошо думается. Жаль только, что о бренном. Надеюсь, размышления не прибавили мне лишних морщин – как-никак, на встречу с блондинкой я настроен. Другого конца от этого клубочка у меня пока нет. Хе, насчет конца – это я смело...

По берегу я обогнул треть городка. Вряд ли лицам, жаждущим меня повидать, придет в голову искать в другом конце Приморска. Хотя чужая душа – потемки.

Особенно ночью.

Отдышавшись, прохожу мимо пляжных домиков и поднимаюсь по улочке. Темно.

Думаю, меня вполне можно принять за добропорядочного семьянина, возвращающегося в лоно супружества от заезжей пляжной красоты. Эрос – это...

Домыслить не успеваю.

– Стоять!.

В спину мне упирается ствол.

– Руки вперед.

Протягиваю. Две дюжих тени выныривают из придорожных кустов, жестко сводят руки, и я чувствую на запястьях сталь наручников.

– Порядок.

Это – кому как. Ну да на войне – как на войне.

Глава 8

Я забыл в гордыне, что любая машина бежит на порядок быстрее даже такого незаурядного спортсмена, как я. Особенно ежели машин несколько и расставлены они в нужных местах.

Меня жестко, но корректно заталкивают в черную «волгу», двое битюгов втискиваются по бокам, а тот, что так любезно приставлял ствол к моему натруженному хребту, усаживается рядом с водителем.

Парни молодые, крепкие, собранные и похожи на новенькие серебряные доллары одной чеканки. Их начальник – на бывший в употреблении червонец: невзирая на короткую стрижку, высокий лоб активно переходит в лысину.

Ни вежливостью, ни разговорчивостью они не отличаются. Что делать – работа такая. Один бесцеремонно лезет мне под куртку и вытаскивает револьвер, другой, тем же манером, страшный самопальный тесак. Нож с интересом рассматривают оба.

– Рэмбо, – презрительно хмыкает правый «близнец» и добавляет нецензурное слово, которое умеренно интеллигентный обыватель поймет как «ненормальный», все остальные – в меру воображения.

– Поехали, – по-гагарински командует старшой, и машина устремляется по знакомым городским улочкам. Похоже,

я догадываюсь, куда мы направляемся.

Профессионализм ребят сомнения не вызывает, и я искренне жалею, что совершенно упустил из виду организацию, столь популярную в былые годы. Рыцари «щита и меча». Госбезопасность. Или – как их теперь...

По легкомыслию я недодумал, что инкриминируемое мне деяние, а именно – преднамеренное убийство председателя горсовета – подпадает под статью об особо тяжких государственных преступлениях, а именно: террористический акт. Миленькая ситуация: здешняя милиция ищет меня по обвинению в убийстве, а то и в двух, местная мафия горит жаждой отомстить за смерть шефа, другая мафия тоже намылилась поскорее меня шлепнуть и похоронить концы, для госбезопасности же я вполне могу сойти за сомалийского шпиона, обезглавившего город, чтобы самому занять вакантное местечко и вывести секретную технологию консервации кильки в томате...

Популярность моя в Приморске куда выше, чем у Майкла Джексона в ихних Штатах, – чтобы мне так жить! Материально, конечно.

Подпираемый могучими плечами, я чувствую себя достаточно уютно – даже в «браслетах». Очень хочется сдаться этим немногословным и надежным, как «берлинская стена», ребятам, выпить нагретую в кармане бутылку коньяка – и каяться, каяться, каяться...

Мешают две вещи.

Во-первых, корпоративное высокомерие. Я же все-таки морской офицер!

Во-вторых, безопасность сия – тоже местная, а потому действия их непредсказуемы – поди знай, кто здесь с кем связан и как.

К тому же печать в последние несколько лет так постаралась, что нужно большое волевое усилие, чтобы обыватель мог поверить в бескорыстие, чистоту помыслов и неподкупность «меченосцев», особенно в таком злочном городке, как Приморск. О себе, грешном, я уже молчу. Ибо верю только в то, что вижу.

Например, Леночка – натуральная блондинка, это без балды. И как морской офицер да еще и старший преподаватель и будущий национальный академик я не могу заставлять девушку ждать столько времени. Любовь – это...

– Давай по окружной, так быстрее.

То, что ребята едут совсем не на местную Лубянку, я заметил давно. Но исправлять их оплошность из скромности не стал.

Какая-нибудь конспиративная хата или особнячок? Вот блин! Если бы рабочий, маящийся в малосемейке, знал, сколько в его областном центре таких конспиративных лежбищ, где натруженные опера инструктируют свою агентуру из проституток, продавщиц, манекенщиц и челночных бортпроводниц в самой доступной для них форме – мальчик сверху, девочка – снизу, то потерял бы столько слюны от за-

висти и возмущения, что восстановить оную не смогло бы даже полоскание полости рта медицинским спиртом! Так и ел бы всухомятку!

Машина тормозит у трехэтажного многоквартирного дома. Значит, хата здесь.

Конечно, с ребятами поговорить хочется: но что нового могут они сообщить? К тому же со временем у меня туго. Они, конечно, профессионалы, ну да против курицы и гусь профессионал... А я – птица Додо.

Автомобиль остановился. У меня есть секунда – пока не открылась дверца.

Делаю легкий вдох, закрываю глаза и сталью наручников давлю ампулку в кармане.

Отсчитываю десять секунд. Еще пять – контрольных. Открываю глаза. Воздух чист и свеж, никаких посторонних запахов. Ребятки спят сном праведников и оклемаются к исходу ночи, не раньше. Как сказал поэт, «трусы и рубашка лежат на песке, никто не плышет по опасной реке...».

Пошарив в карманах праведников, нахожу ключ от наручников, затем перетаскиваю парней одного за другим в небольшой садик за домом и укладываю рядочком. Симпатичные ребята. Но супротив сенегальского шпиена – жидковаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.